

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Естественные, общественные науки»

Вып. 1, 2016

Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама.
Международные отношения

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60994 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров**, д-р экон. наук
(*председатель*)
- С. А. Сырбу**, д-р хим. наук
(*зам. председателя*)
- В. И. Назаров**, д-р психол. наук
(*зам. председателя*)
- К. Я. Авербух**, д-р филол. наук (Москва)
- Ю. М. Воронов**, д-р полит. наук
- Н. В. Усольцева**, д-р хим. наук
- Ю. М. Резник**, д-р филос. наук (Москва)
- О. А. Хасбулатова**, д-р ист. наук
- Л. В. Михеева**
(*ответственный секретарь*)

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»:

- Б. Я. Солон**, д-р физ.-мат. наук
(*главный редактор серии*)
- В. Н. Назаров**, д-р психол. наук
- Т. А. Воронова**, канд. пед. наук
- М. В. Клюев**, д-р хим. наук
- В. А. Исаев**, д-р биол. наук
- Д. И. Молдаванский**, д-р физ.-мат. наук
- Е. В. Соколов**, канд. физ.-мат. наук
- В. А. Годлевский**, д-р техн. наук
- Л. И. Минеев**, канд. техн. наук
- О. В. Кузьмина**, канд. юрид. наук
- Д. В. Кареев**, канд. ист. наук

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39, к. 462
тел./факс: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «Natural, Social Sciences»

Issue 1, 2016 Jurisprudence. Psychology. Pedagogics. Sociology. Social Work.
Journalism and Advertising. International Relations

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate ПИ № ФС77-60994 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics
(*Chairman*)
- S. A. Syrbu*, Doctor of Chemistry
(*Vice-Chairman*)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
(*Vice-Chairman*)
- K. Ya. Averbuch*, Doctor of Philology
(Moscow)
- Yu. M. Voronov*, Doctor of Politics
- N. V. Usoltseva*, Doctor of Chemistry
- Yu. M. Reznik*, Doctor of Philosophy
(Moscow)
- O. A. Khasbulatova*, Doctor of History
- L. V. Mikheeva* (*Secretary-in-Chief*)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

«NATURAL, SOCIAL SCIENCES»:

- B. Ya. Solon**, Doctor of Physics
and Mathematics
(*Chief Editor of the Series*)
- V. I. Nazarov*, Doctor of Psychology
- T. A. Voronova*, Candidate of Science
of Pedagogics
- M. V. Klyuev*, Doctor of Chemistry
- V. A. Isaev*, Doctor of Biology
- D. I. Moldavansky*, Doctor of Physics
and Mathematics
- E. V. Sokolov*, Candidate of Science,
Physics and Mathematics
- V. A. Godlevsky*, Doctor of Technical Science
- L. I. Mineev*, Candidate of Technical Science
- O. V. Kuzmina*, Candidate of Science, Law
- D. V. Kareev*, Candidate of Science, History

Address of the editorial office:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39, office 462
tel./fax: (4932) 93-43-41
e-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Юриспруденция

Борисова О. В. Обращение к читательскому опыту студентов-юристов как средство формирования у них общекультурных и профессиональных компетенций	5
Кафиатулина А. В. История возникновения института лишения прав как прототипа уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	12
Орлова С. А. Межнациональные столкновения в Азербайджане в 1905 г. в свете сенаторской ревизии А. М. Кузминского и по материалам прессы тех лет	17
Тресцова Е. В. Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации о недвижимом имуществе	22

Психология

Круглова Е. А., Попель Н. В. Половые различия в проявлениях синдрома дефицита внимания и гиперактивности младших школьников	27
Когаловская А. С. Применение музыкотерапии в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья	30
Назаров В. И., Пантюшина С. В. Динамика отношения к руководителю в условиях экономических изменений	38

Педагогика

Мельникова Е. В. Образовательная информационная среда университета как средство развития информационной компетентности студента	44
--	----

Социология

Панкратова Е. В., Кузнецова И. С. Социологический анализ понятия и типологий регионов	49
Смирнова И. Н. «Живущие рядом»: соседские взаимоотношения в городском пространстве	56

Социальная работа

Глушкова Е. В., Задорожникова Е. Б. Актуальные проблемы подростков — клиентов социально-реабилитационных центров (региональный аспект)	64
---	----

Журналистика и реклама

Страшнов С. Л. Из словаря «Актуальные медиапонятия»: прикладная поэзия, сетевые дневники	73
---	----

<i>Сведения об авторах</i>	81
----------------------------------	----

<i>Информация для авторов</i> <i>«Вестника Ивановского государственного университета»</i>	83
--	----

CONTENTS

Jurisprudence

Borisova O. V. The appeal to the law students' reading experience as a way of shaping their educational and professional competences	5
Kafiatulina A. V. The history of the institution of deprivation of rights as a prototype of a criminal penalty of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities	12
Orlova S. A. Inter-ethnic collisions in Azerbaijan in 1905: in the light of A. M. Kuzminsky senatorial audit and on the materials of the then press	17
Trestsova E. V. The Civil code of the Russian Federation reform concerning real estate	22

Psychology

Kruglova E. A., Popel N. V. Gender differences in the manifestations of the syndrome of attention deficit and hyperactivity for boys and girls of primary school age	27
Kogalovskaya A. S. Application of music therapy in the work with children with disabilities	30
Nazarov V. I., Pantyushina S. V. The change of attitude to the boss dynamics in the time of economic transformations	38

Pedagogics

Melnikova E. V. University educational information environment as a means of developing students information competence	44
--	----

Sociology

Pankratova E. V., Kuznetsova I. S. Sociological analysis of concept and typologies of regions	49
Smirnova I. N. "Living next door": neighborhood in the urban space	56

Social Work

Glushkova E. V., Zadorozhnikova E. B. Topical issues for the teenagers — clients of social rehabilitation centers (a regional aspect)	64
--	----

Journalism and Advertising

Strashnov S. L. From the «Contemporary media-concepts» glossary: applied poetry, weblogs	73
---	----

<i>Information about the authors</i>	81
--	----

<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	83
---	----

ББК 67p+88.261.4

О. В. Борисова

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЬСКОМУ ОПЫТУ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ У НИХ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Обосновывается значение читательского опыта студентов-юристов для формирования у них компетенций, заданных государственным стандартом. Рассматриваются результаты изучения чтения студентов юридического факультета Ивановского государственного университета. По материалам эмпирического исследования проанализированы особенности студенческого чтения, выделены его позитивные и негативные тенденции. Проводится связь профессиональных качеств будущего юриста и круга его чтения. Приводится пример использования произведения художественной литературы в преподавании уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: юридический факультет, студенты, компетенции, чтение, литература, книги.

The article gives backs up the importance of reading experience of law students. Such an experience is important for the formation of the competences set by the State standard. The results are based on the research conducted among Ivanovo State University law students. The author analyzes some peculiarities of students' reading preferences and singles out positives and negatives tendencies. The link between the qualities of a future lawyer and his/her circle of reading is described. The example of the use of fiction in teaching criminal law is given.

Key words: law faculty, students, competences, reading, literature, books.

Современные образовательные стандарты предъявляют высокие требования к культурному и профессиональному уровню обладателя высшего юридического образования, в том числе на ступени бакалавриата. В частности, образованный юрист: осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает достаточным уровнем профессионального правосознания; владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; стремится к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства; способен уважать честь и достоинство личности, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина; способен давать квалифицированные юридические заключения и консультации в конкретных видах юридической деятельности; способен эффективно осуществлять правовое воспитание.

© Борисова О. В., 2016

2016. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология. Социальная работа. Журналистика и реклама. Международные отношения •

Формирование данных и иных компетенций достигается как путем использования новейших образовательных технологий, так и активизацией, развитием культурного потенциала, заложенного при получении общего образования, при социализации молодого человека. Такому развитию служат, в частности, обращение к читательскому опыту и установление связи образов, сюжетов, этических постулатов художественной литературы с различными аспектами юридической профессии.

Специалисты (социологи, библиотекари) отмечают, что в последние десятилетия в России идет процесс падения уровня читательской культуры молодежи, наблюдается ситуация значительных изменений в чтении [1, с. 1; 9, с. 4; 10]. Преобразования высшей школы обосновывают необходимость изучения характера, особенностей, перспектив трансформации чтения в образовательной деятельности студента [5, с. 3; 6, с. 40].

Нами в феврале-марте 2015 года было предпринято исследование с целью выявления читательских интересов студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» на юридическом факультете Ивановского государственного университета. Значимость данного объекта исследования достаточно высока: выпускники юридического факультета ИвГУ, как правило, занимают должности на государственной и муниципальной службе, в судебной системе и правоохранительных органах. В связи с этим уместно привести тезис И. А. Бродского, высказанный в его Нобелевской лекции: «Выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя» [4, с. 13].

Всего опрошено 130 человек, большая часть которых являются студентами второго и третьего курсов очной формы обучения. Этот период характеризуется тем, что данные лица полностью адаптированы к студенческому статусу, осознают себя принадлежащими избранной профессии, освоили ряд дисциплин общекультурного профиля (история, психология, философия и т. п.). В связи с этим от данных лиц, с точки зрения их читательской специфики, можно ожидать независимости от обязательного круга чтения, формируемого школьной программой, самостоятельности в определении читательских интересов и способов их удовлетворения, проявления связи чтения с вопросами права, развитой способности к самоанализу и самооценке.

Остальные студенты обладают данными качествами в разной мере. 12 опрошенных — студенты 1 курса, но это лица, обучающиеся на бюджетном отделении, т. е. имеющие высокие стартовые показатели. 9 опрошенных — студенты 5 курса, имеющие сложившиеся общекультурные и профессиональные предпочтения на конечном этапе обучения.

Возраст опрошенных варьировался незначительно: 97 % лиц находились в возрастном периоде 18—20 лет, остальным 20—22 года. Среди опрошенных 67 % составили лица женского пола, 33 % — мужского.

Опрос был произведен по формализованной анкете. Были предложены вопросы как закрытого, так и открытого вида, а также вопросы, предполагающие свободные высказывания.

Опрос осуществлялся в условиях анонимности. Студенты заполняли анкеты не во время учебных занятий, а в свободное время, не будучи связаны временем и имея возможность осмыслить свои ответы, индивидуализировать их.

Обратимся к ответам респондентов. Ответы на вопрос о предпочитаемых жанрах художественной литературы представлены в порядке убывания частоты.

62 — исторические романы	35 — философские романы
56 — детективы	33 — лирические стихотворения
46 — детективы	32 — современные романы
45 — мистика, фэнтези, ужасы	15 — эссе, публицистика
41 — любовные романы	10 — эзотерическая литература
38 — мемуары, биографии	3 — ничего из указанного

Как следует из представленных данных, преобладают детективы и исторические романы, что, очевидно, связано с гуманитарной направленностью профессии и углубленной подготовкой будущих юристов именно в области истории и логики. Иные предпочтения, отдаваемые литературе приключенческой, мистической, жанру «фэнтези» и любовным романам, объясняются возрастными особенностями студентов. Здесь же следует учесть, что на данные массовые жанры в большой степени влияет мода.

Жанры современного и философского романов, лирические стихотворения, мемуары имеют средние значения. Думается, что данный сегмент представляет стандартный круг чтения современного образованного человека.

Низкие значения у эзотерической литературы, жанра эссе и публицистики. На наш взгляд, данные направления уже не являются сейчас востребованными — такими, какими они были в конце прошлого века.

Не читают книги предложенных жанров всего 3 % опрошенных, при этом никто из данных лиц по собственной инициативе не указал, каковы же его иные предпочтения. Так что, по-видимому, это категория лиц, не читающих художественную литературу, и то, что она немногочисленна, — хороший результат.

Таким образом, читательские предпочтения у студентов распределены на основании следующих тенденций: 1) профессиональной; 2) возрастной и диктуемой модой; 2) общеинтеллектуальной.

Однако необходимо отметить и различия, показанные в ответах на данный вопрос респондентами женского и мужского пола. Во-первых, женщины указывали больше вариантов ответа, т. е. круг их чтения более широк и они менее разборчивы в своих предпочтениях. Во-вторых, самый высокий общий показатель оказался у жанра детектива, и так получилось именно за счет его преобладания в чтении студенток. Можно предположить, что именно данный жанр соединяет в себе качества, способные удовлетворить совокупность читательских потребностей девушек — будущих юристов: определенную логическую задачу, напряженность сюжета и эмоциональный заряд, связанный со страшными чертами преступления. Если у студенток самый предпочитаемый жанр — детектив (так высказался 51 человек), то у студентов лидируют мистика и приключения (21 и 18 соответственно). По-видимому, данная категория респондентов в большей степени подвержена влиянию второй из выделенных нами тенденций. Детективы у мужчин — будущих юристов занимают лишь четвертое место (11) после исторических романов (16).

На вопрос о пользовании услугами библиотек для чтения художественной литературы были получены следующие ответы.

Таблица 1

№	Ответ	% от опрошенных
1	Научная библиотека ИвГУ	5
2	Ивановская центральная универсальная научная библиотека	2
3	Ивановская городская библиотека им. Я. Гарелина	2
4	Иная библиотека (например, по месту жительства)	21
5	Не посещаю библиотеку с этой целью	53
6	Не посещаю библиотеку вообще	17

Если суммировать количество пользователей библиотек и не-пользователей, то получается соотношение 30 % и 70 %.

Обратимся теперь к тем вопросам, которые выявили круг чтения опрошенных.

Был задан вопрос о любимых классиках отечественной и зарубежной литературы. Ответы на него следует дифференцировать.

Прежде всего, на данный вопрос не ответили 36 респондентов, из них 14 не назвали русских классиков, 22 — зарубежных.

Таблица 2

Рейтинг классиков отечественной литературы

Фамилия классика	Число упоминаний
Ф. М. Достоевский	54
М. А. Булгаков	40
Л. Н. Толстой	38
А. С. Пушкин	27
М. Ю. Лермонтов	25
А. П. Чехов	17
И. С. Тургенев	16
С. А. Есенин, А. И. Куприн	15
Н. В. Гоголь	11
А. И. Солженицын	8
М. Горький	5
М. И. Цветаева, А. И. Бунин	4
А. А. Блок, И. А. Бродский, В. В. Набоков	3
А. С. Грибоедов, Б. Васильев, Б. Л. Пастернак, А. А. Ахматова, В. В. Маяковский, М. А. Шолохов, В. Распутин	2
В. А. Жуковский, Н. А. Некрасов, Н. М. Карамзин. А. Толстой, М. М. Зощенко, А. А. Аверченко, И. Ильф, М. М. Пришвин, Н. Островский, В. Каверин, Н. Беляев, В. Гроссман	1

Серия

• «Естественные, общественные науки»

На наш взгляд, представленный ряд демонстрирует любовь к классической русской литературе. Значительный отрыв здесь имеет Ф. М. Достоевский, что вполне согласуется с теми исканиями, которые совершает человек, избравший юридическую профессию. Острые социальные проблемы, моральные конфликты, вопрос о пределах человеческой воли — все эти темы творчества Достоевского, очевидно, должны занимать будущего юриста. Вторым по частоте упоминаний является М. А. Булгаков, и это, на наш взгляд, во многом обусловлено включением романа «Мастер и Маргарита» в школьную программу. В целом данный результат анкетирования подтверждает результаты, ранее полученные другими авторами, исследовавшими студентов-читателей [1, с. 91; 3, с. 130; 8, с. 38]. Примечательно также, что в списке много поэтов, хотя лирические стихотворения в жанровом списке заняли среднюю позицию.

Классики зарубежной литературы представлены в ответах следующим образом.

Таблица 3

Фамилия классика	Число упоминаний
Э. М. Ремарк	22
А. Конан-Дойл	15
Дж. Остин	12
У. Шекспир, Дж. Лондон	10
Ш. Бронте, Р. Брэдбери	9
А. Дюма	8
О. Уальд, Дж. Сэлинджер	5
Д. Дефо, Ж. Верн, А. Кристи, Э. По, Ф. С. Фицджеральд, Э. Хэмингуэй, Т. Драйзер	4
Ч. Диккенс, Г. Г. Маркес, В. Гюго, М. Митчелл, М. Твен, С. Моэм	3
А. Сент-Экзюпери, Джером К. Джером, Г. Сенкевич, М. Рид, Ф. Кафка, Г. Гессе, С. Цвейг, Дж. Толкиен	2
Д. Алигьери, Р. Сабатини, Ж.-П. Сартр, Я. Гашек, М. Пьюзо, Т. Харди, А. Камю	1

На наш взгляд, получился вполне представительный список, который свидетельствует не только о хорошем знании зарубежной классики, но и о внимании к большой, серьезной литературе. В списке закономерно присутствуют авторы, работавшие в приключенческом, детективном, любовно-романтическом жанрах. Лидирующая позиция Э. М. Ремарка, на наш взгляд, есть не только проявление моды, которая внезапно возродилась в последние годы, но и увлеченность молодежи социальными проблемами, поиском путей в сложных ситуациях и катаклизмах.

Следующий вопрос был о любимых современниках отечественной и зарубежной литературы. Считаем, что данный вопрос особый, так как: 1) он не связан с обязательным списком школьной программы; 2) выбор современников больше диктуется модой; 3) он отражает действительную самостоятельность читателя, а также то, что он ориентируется в текущем литературном процессе и вообще уделяет ему внимание. В связи с этими особенностями на вопрос в целом не были получены ответы от 127 респондентов: 76 не назвали отечественных авторов, 51 — зарубежных.

Результаты по любимым современникам отечественной литературы выглядят следующим образом.

Таблица 4

Фамилия современного автора	Число упоминаний
В. Пелевин	8
Б. Акунин	7
Д. Донцова, Д. Глуховский	3
Р. Рождественский, В. Распутин, Э. Радзинский, Т. Толстая, С. Лукьяненко, С. Минаев, Д. Емец, Э. Сафарли	2

Таблица 5

Рейтинги современников зарубежной литературы

Современный автор	Число упоминаний
Дж. Роулинг, С. Кинг	9
Дж. Мартин, Д. Браун	8
Ч. Паланик, Н. Спаркс, С. Ахерн, П. Коэльо	4
Я. Вишневский, Дж. Бойн, Д. Грин, С. Майер	3
М. Зузак, Ст. Ларссон, Ф. Бегбедер, А. Сапковский, Д. Киз, В. Рот, М. Кэбот	2

Сравнивая данные списки современников, мы видим, что предпочтения студентов более широки и разнообразны в области зарубежной (преимущественно англоязычной) литературы. Всего по списку отечественных авторов было названо 45 позиций, а по списку зарубежных — 57. Разумеется, современные студенты, знающие иностранные языки, восприимчивые к западной культуре, пользующиеся Интернетом, свободно чувствуют себя в мировом литературном процессе. Вместе с тем жанровые предпочтения в основном сходны в обоих списках. Студентов привлекают мистические и фантастические сюжеты, популярны авторы любовных романов.

Итак, в целом мы можем констатировать, что большинство опрошенных студентов: 1) не зависят от круга чтения, определенного в прошлом школьной программой, хотя сохраняют пристрастие к отдельным классическим произведениям, входящим в нее; 2) демонстрируют разнообразный репертуар чтения, однако предпочитают жанры исторического романа и детектива, что может свидетельствовать о связи чтения с профессиональной направленностью; 3) не пользуются услугами библиотек. Исследование вопросов о любимых авторах и произведениях показало разнообразие, широкий разброс предпочтений, поэтому здесь в качестве устойчивых тенденций можно усмотреть только больший удельный вес зарубежной литературы и многократно подтвержденные лидерские позиции творчества М. А. Булгакова и Э. М. Ремарка.

Известно, что глубина, яркость, сюжетная острота художественного текста, касающегося вопросов права, помогают познать правовые явления, избавиться от их стандартного восприятия, лучше связать юридические конструкции с жизненными ситуациями и разнообразием человеческих характеров и отношений. В связи с этим литературные произведения использовались в юридическом образовании ранее (например, инсценированные «суды» над Остапом Бендером), используются они и сейчас [7].

Серия

• «Естественные, общественные науки»

При преподавании одной из специальных дисциплин — уголовно-исполнительного права на 3 курсе мы включили в число источников, рекомендованных для студентов, повесть Ф. М. Достоевского «Записки из мёртвого дома». Студенты читали книгу в течение семестра. При изучении отдельных тем в рамках раздела «Исполнение наказания в виде лишения свободы» внимание студентов было акцентировано на аналогичных правилах и отношениях, описанных в данной книге. В конце семестра нами была организована студенческая читательская конференция, на которой обсуждались вопросы классификации осужденных к лишению свободы, организации быта и труда заключенных на каторге, отношений осужденных и персонала острога, влияния общественности на исправление осужденных и другие. Проводились параллели царской каторги и современных исправительных колоний, выделялись проблемы исполнения лишения свободы «вечного» характера и свойственные конкретному историческому периоду. Глубокий психологизм книги и доверительная интонация автора (книга написана от первого лица и основана на собственном опыте пребывания Ф. М. Достоевского на каторге) позволили студентам понять многие ограничения, связанные с лишением свободы, «изнутри», осознать их смысл или, напротив, оценить как излишние, неэффективные и жестокие. Изучение и обсуждение сложных правовых вопросов исполнения уголовного наказания через призму исторического сравнения и художественного описания было интересным для студентов и, несомненно, повысило их читательскую и правовую культуру. Остается добавить, что читательская конференция проводилась не в учебной аудитории, а в читальном зале юридического факультета, что придавало занятию неформальный характер. К конференции была приурочена книжная выставка «Классики русской литературы о лишении свободы», на которой были представлены художественные произведения и научно-критическая литература по указанной тематике таких писателей, как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Студентам было рекомендовано и далее при изучении права обращаться к литературным произведениям, в частности роману Л. Н. Толстого «Воскресение» и книге А. П. Чехова «Остров Сахалин». Представляется, что такая форма организации самостоятельной и аудиторной работы студентов может занять постоянное место не только среди имеющихся методик преподавания уголовно-исполнительного права [2, с. 84], но и в методическом аппарате других учебных курсов юридического факультета.

Библиографический список

1. *Беляева Н. Е.* Чтение студенчества и электронные информационные технологии (по итогам исследования в Брянской, Курской и Орловской областях) // *Образование и общество.* 2009. № 3. С. 89—93.
2. *Борисова О. В., Соколова О. В.* Формирование специальных компетенций студента-юриста, изучающего уголовно-исполнительное право в классическом университете // *Образование и право.* 2014. № 3—4 (54—55). С. 81—87.
3. *Борусяк Л.* Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов // *Вестник общественного мнения.* 2010. № 3. С. 130—131.
4. *Бродский И.* Лица необщим выраженьем : Нобелевская лекция : Власть стихий : сборник эссе. СПб. : Азбука-Аттикус, 2012. 224 с.
5. *Волкова Е. А.* Трансформация чтения студенческой молодежи : дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2012. 174 с.

6. Осипов М. Ю. О современном состоянии высшего юридического образования и путях его улучшения // Право и образование. 2014. № 3. С. 40—49.
7. Миронова С. М. Использование художественной литературы при изучении юриспруденции // Право и образование. 2015. № 12. С. 62—70.
8. Самохина М. М. Молодежь и классика : отчет об исследовании // Социолог и психолог в библиотеке : сборник статей и материалов. Вып. IV / РГЮБ. Отд. социол. и психол. исслед. М., 2002. С. 6—52.
9. Читательская культура молодежи : мифы и реальность. Петрозаводск : ДЮБ РК, 2009. 33 с.
10. Яковлева Е. Скажи мне, что ты читаешь, и станет ясно, какой будет Россия // Рос. газ. 2005. 27 июля.

ББК 67.408.022.12-1

А. В. Кафиатулина

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА ЛИШЕНИЯ ПРАВ КАК ПРОТОТИПА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Предпринята попытка проследить историю возникновения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в его современном понимании со времен Древнего мира. Проведенный ретроспективный анализ показывает, что прототипом данного наказания в Древней Греции служила атимия, в Древнем Риме — лишение всех прав гражданина (гражданская смерть), а Древней Руси — поток и разграбление.

Ключевые слова: лишение прав, атимия, гражданская смерть, наказание.

In this article the author attempts to trace the origins of the penalty of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities in its modern sense since the time of the ancient world. Conducted retrospective analysis shows that the prototype of this punishment was athymia in ancient Greece, in ancient Rome — deprivation of civil rights (civil death), and in ancient Russia — «pillage».

Key words: deprivation of rights, athymia, civil death penalty.

Юридическая история института лишения тех или иных прав уходит корнями во времена Древнего мира, становления государства и права Древней Греции, Рима, Германии, Франции. Ретроспективный анализ показывает, что уголовное право того времени было менее развитым, нежели гражданское (право собственности, семейное, наследственное, обязательственное уже тогда имело достаточно подробную регламентацию), применяемые наказания характеризовались чрезмерной суровостью и многообразием: смертная казнь, конфискация имущества, изгнание из страны и др. Однако наравне с ними

© Кафиатулина А. В., 2016

существовали наказания, ограничивающие или лишаящие виновного правоспособности: изгнание его из общества как недостойного и лишение ряда предоставленных государством преимуществ.

В Древней Греции первоначальной формой лишения прав выступала атимия (от греч. ἀτιμία — бесславие, презрение), лишавшая осужденного политических прав, в том числе на занятие государственных должностей. При этом различались разные степени лишения прав — полное (подвергавшийся подобному лишению не смел появляться на площади, в публичных местах и в народном собрании, не мог подавать жалобы в суд и вести процессы, одним словом, делался граждански мертвым) или ограниченное (лишение лишь некоторых гражданских прав; так, например, если кто-то, затеяв публичный процесс, прекращал его или при разбирательстве не получал $\frac{1}{3}$ голосов судей, то он лишался права возбуждать подобные процессы).

В римском праве существовал самостоятельный институт — *capitis deminutio maxima* (лат. — наибольшее уменьшение правоспособности) — лишение всех прав гражданина. Первоначально он применялся только к гражданам, попавшим в плен или проданным в рабство. С течением времени появились и иные основания. Лица, лишённые прав, утрачивали право на свое имущество, оно переходило в собственность государства, кредитора или иных лиц.

Кроме того, лишение лица правоспособности, наступающее как последствие уголовного наказания или в силу иных обстоятельств, именовалось в римском праве гражданской смертью. При этом в законодательстве европейских стран этот институт просуществовал до XIX в.

Широкое применение гражданская смерть имела во Франции, где она всегда сопровождалась конфискацией имущества, поэтому королевская власть часто прибегала к этой карательной мере, особенно в отношении лиц, скрывшихся от суда (*condamnés à mort par contumace*) [9].

Последствия гражданской смерти были изложены в гражданском кодексе Франции (ст. 25) и охарактеризованы как последствия, которые наступают при физической смерти: брачный, семейственный союз осужденного расторгается сам собою, к имуществу его открывается наследование по закону, завещательные распоряжения, даже предшествующие потере прав, признаются недействительными; приобретенное впоследствии имущество переходит после физической смерти осужденного государству как выморочное имущество [9].

В Спарте полному лишению прав подвергались те, кто убегал с поля сражения или пренебрежительно относился к народным обычаям и общественному приличию, а изгнанию из государства — те, кто совершил неосторожное или случайное преступление.

Древнегерманскому праву также известно лишение покровительства законов; признание *Vogelfrei*, т. е. признание преступника пользующимся не большей охраной закона, чем птица, за которой можно охотиться [9].

Н. Д. Сергеевский отмечал, что в древнеримском праве лишение покровительства закона именовалось *aquaeetignis interdiction* и выражалось религиозной формулой *saceresto*, означающей, что преступник поставлен вне покровительства закона, что судьба его как проклятого предана воле богов, которых он оскорбил, и что каждый может убить его безнаказанно. Само выражение *aquaeetignis* указывает, что осужденный как бы лишен был права даже иметь какую бы то ни было пищу, питье и кров и всякий должен был ему в том отказывать [8, с. 323].

Кодекс Хаммурапи (Древний Вавилон) знал такой вид наказания, как обращение в рабство, изгнание из общины, из страны. Преступник терял при этом все свое имущество, должен был жить вне своей семьи, лишался защиты своих богов.

Лишение варновой принадлежности и перемещение в низшие варны, как прототип лишения гражданских (должностных) прав, известен и праву Древней Индии.

Таким образом, древнегреческая атимия выступала одним из первых видов лишения определенных прав (политических, гражданских) виновного в совершении преступления и сопровождалась отстранением от участия в народных собраниях и лишением права занимать общественные должности, в остальном виновный оставался полноценным гражданином.

При этом уклад средневековых государств характеризуется возникновением привилегий по сословному или профессиональному критерию, что вызывает закономерную необходимость выработки определенных мер воздействия. Уже в те далекие времена лишение прав могло применяться в качестве дополнительного наказания, призванного усиливать действие основного.

Так, в Вестготском средневековом государстве уголовное наказание было социально-стратифицированным: знатным и простолюдинам присуждалось неравное наказание за одно и то же преступление [2, с. 262]. Например, п. 2.4.2 Либер Юдисиорум закреплял наказание за отказ от свидетельских показаний. Если свидетель был высокого ранга, то он не мог больше быть свидетелем ни в одном процессе. А если он меньшего ранга, но свободный, то не может быть свидетелем и, кроме того, получает 100 плетей и становится бесчестным [2, с. 264].

Чиновничество Китайской средневековой империи также имело ряд привилегий — каторга или ссылка могли быть заменены наказанием в виде лишения должности или ранга и титула. Льготами пользовались и родственники чиновников [2, с. 356].

В средневековой Японии совершивший преступление или проступок чиновник, независимо от того, приговаривался ли он к смертной казни, получал ли прощение от императора или право откупа от наказания, подвергался лишению в той или иной мере своих должностных прав: понижению в должности или ранге, разжалованию или увольнению с одной или всех должностей и т. д. Если простое увольнение относилось к числу тяжких наказаний и от него нельзя было откупиться, то особенно тяжким наказанием считалось увольнение с исключением из чиновничьих списков, что означало невозможность в будущем возвратиться на службу [4, с. 592].

Аналогом гражданской смерти в Средние века было объявление вне закона. В Салической правде (судебник франков) упоминается о таком наказании, как объявление вне закона или изгнание из общины. Пункт 6 гл. 25 «О прелюбодеяниях» гласил: «...равным образом и свободная, если вступит в брак с чужим рабом, должна стать рабыней» [5, с. 244].

Ослушник, оказавшийся вне закона, подлежал истреблению как опасный дикий зверь. Из подобной практики возникла санкция в виде смертной казни, причем необходимым следствием постановления вне закона или осуждения на смерть стала конфискация имущества [4, с. 272].

Атимия существовала в средневековом законодательстве Китая и представляла собой изгнание преступника из рода-племени.

В средневековом Арабском халифате помимо типичных наказаний, к которым относились смертная казнь, членовредительские и телесные наказания, распространены были также позорящие наказания — бритье бороды, лишение права носить чалму; ссылка и высылка.

В средневековой Германии лишение права также относилось к позорящим наказаниям и применялось как дополнительное. Объявление «вне закона» могло последовать за незаконное мщение без обращения в суд, нарушение перемирия, заключенного перед судом. Особо оговаривалась опала — объявление императором человека «вне закона», что означало лишение чести и всех прав.

Как мы видим, правопоражающие наказания известны еще Древнему миру, к ним относились: атимия (Древняя Греция, Спарта, Китай), изгнание из общины (Китай), лишение всех прав гражданина (Древний Рим), гражданская смерть (Древний Рим, Франция, Германия, Бельгия), отлучение от церкви (Древний Рим), лишение варновой принадлежности, перемещение в низшие варны (Древняя Индия). В период Средневековья эта тенденция не изменилась, список таких правопоражений был расширен. Появляются опала (средневековая Германия), лишение должности или ранга и титула (Китай), объявление вне закона (Франкское государство, средневековая Германия), позорящие наказания (Арабский халифат).

Полагаем, именно указанные виды лишения прав послужили первопричиной формирования данного института, о котором впервые было упомянуто в Русской Правде.

Система наказаний по Русской Правде достаточно проста — смертная казнь, вира и продажа (штраф), поток и разграбление.

Нас в первую очередь интересует последний из приведенных видов наказаний. Поток и разграбление является суровым наказанием, которое назначалось за наиболее тяжкие преступления — разбой, поджог (гумна, двора) и конокрадство.

Существо потока до сих пор не имеет однозначного толкования у исследователей — одни определяют его как изгнание, другие — как отдачу преступника в рабство князю. Возник поток и разграбление в древности: виновного изгоняли из общины (вероятно, с женой и детьми), а имущество его конфисковывалось. Живя в окружении дикой природы, вдали от сородичей, он был обречен на гибель [7, с. 219].

Так, ст. 7 Русской Правды гласила: «Ожестанеть без вины на разбой. Будет ли стал на разбой без всякой свады, то за разбойника люди не платят, но выдадут и всего с женой и с детьми на поток и разграбление» [6, с. 10].

М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что потоком называется лишение личных прав, а разграблением — лишение прав имущественных, и то и другое составляет одно наказание, а не два вида наказаний [1, с. 328]. Поток — наказание в виде лишения преступника защиты его жизни, жизни его близких родственников и имущества со стороны властей и верви. Поток означает объявление преступника вне закона. В *Leges Barbarorum* встречается аналогичный институт в виде банного права (*ius forbannitus*) — аналог у германцев объявление лица вне закона — *Vogelfrei* [3, с. 81].

По мнению С. В. Юшкова, потоком является лишение преступника личных прав, а разграблением — имущественных, но в целом они представляют собой единое наказание. По сути, отмечает он, это наказание сводилось к конфискации имущества преступника и продаже его в рабство. Со временем суть

данного наказания менялась и оно превратилось в физическое уничтожение преступника и уничтожение его имущества [10, с. 491].

Н. Д. Сергеевский видит в потоке и разграблении лишь некоторый намек на аналогию немецкому *Friedlosigkeit* (исключение преступника из среды мира, охраняемого законом, поставление его в положение врага своего народа и короля). При этом он отрицает возможность существования такого наказания в русском государстве. И отмечает, что выработать институт лишения прав самостоятельно старое русское право не могло, так как весь государственный строй России был ему противен [8, с. 323].

Мы вынуждены не согласиться с высказанной точкой зрения. Действительно, русскому законодательству была свойственна рецепция права, и скорее всего, лишение прав — заимствованный правовой институт. Но это обстоятельство ничуть не умаляет факт его существования. Наказание это весьма успешно применялось и заключалось в том, что виновный лишался не только своего имущества, но и прав, гарантированных свободному гражданину (в нынешнем понимании это ограничение дееспособности гражданина), т. е. лишение прав в крайней степени его проявления.

Российская история возникновения анализируемого наказания, таким образом, насчитывает более 900 лет. Впервые прообраз наказания в виде лишения права в русском законодательстве встречается в Русской Правде (примерно 1054 г.) как поток и разграбление. Первоначально данное наказание выражалось в конфискации имущества, изгнании преступника из общества, обращение его в рабство. В дальнейшем происходит некая трансформация лишений, которые должен претерпевать преступник, — он обращался в рабство, имущество же подвергалось разграблению.

Возникновение этот института связано с влиянием западного (византийского и немецкого) права. Нормы о лишении тех или иных прав содержат все последующие источники российского уголовного права. Наиболее приближенным к российской действительности данный вид наказания закреплен в УК РСФСР 1960 г. — лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, где произошло разделение этого наказания на два вида, назначаемых в качестве основного или дополнительного.

Библиографический список

1. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 640 с.
2. *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. М. : Норма, 2000. 730 с.
3. *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов : от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.
4. История государства и права зарубежных государств : учебник для вузов. 2-е изд., стер. / под ред. Н. А. Крашенинниковой, О. А. Жидкова. М. : Норма, 2001. Ч. 1. 609 с.
5. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. М. : Юристъ, 2003. Т. 1. 392 с.
6. Хрестоматия по истории отечественного государства и права X век — 1917 год / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2003. 381 с.
7. *Рогов В. А.* История государства и права России IX — начала XX веков. М. : Зерцало : ТЕИС, 1995. 263 с.

Серия

• «Естественные, общественные науки»

8. Чучаев А. И. Уголовно-правовые взгляды Н. Д. Сергеевского. М.: Проспект, 2010. 520 с.
9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/ (дата обращения: 26.01.2016).
10. Юшков С. В. Общественно-политический строй Киевского государства. М.: Госюриздат, 1949. 543 с.

ББК 67.3(2)53

С. А. Орлова

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В 1905 г. В СВЕТЕ СЕНАТОРСКОЙ РЕВИЗИИ А. М. КУЗМИНСКОГО И ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ ТЕХ ЛЕТ

Статья посвящена малоизученной в историко-правовой науке ревизии сенатора А. М. Кузминского 1905 г. Раскрывается повод для назначения ревизии — армяно-азербайджанские столкновения 6—10 февраля 1905 г. Приводятся результаты сенаторского расследования. Анализируются материалы прессы тех лет, выявляющие причины указанных столкновений.

Ключевые слова: армяно-азербайджанские столкновения, сенаторская ревизия А. М. Кузминского 1905 г., материалы прессы.

The article is devoted to the 1905 audit of senator A. M. Kuzminsky which is understudied in historical and legal science. The reason for the audit was Armenian-Azerbaijani collisions on February 6—10, 1905. Results of the senatorial investigation are provided. The materials of the press of those years revealing the reasons of the specified collisions are analyzed.

Key words: Armenian-Azerbaijani collisions, senatorial audit of A. M. Kuzminsky of 1905, press materials.

Высочайшим повелением от 2 марта 1905 г. (все даты указываются по старому стилю. — С. О.) на сенатора Александра Михайловича Кузминского (1844—1917) была возложена в соответствии со ст. 245 Учреждения Правительствующего Сената [8] ревизия города Баку и Бакинской губернии. Это была первая после двадцатитрехлетнего перерыва сенаторская ревизия. Как указывал Кузминский, ему было поручено «подвергнуть тщательному исследованию все явления политического, административного, экономического и религиозного характера», которыми могли быть вызваны события (кровавые столкновения между армянами и азербайджанцами), произошедшие в Баку и Бакинской губернии 6—10 февраля 1905 г. [3, с. 1].

Необходимо отметить, что для проведения этой ревизии пригласили человека, имеющего за спиной огромный опыт работы в суде и прокуратуре. А. М. Кузминский прошел путь от судебного следователя Тульского окружного суда до сенатора Уголовного кассационного Департамента Правительствующего Сената (в 1910 г. А. М. Кузминский назначен первоприсутствующим этого департамента) [6].

© Орлова С. А., 2016

23 марта 1905 г. А. М. Кузминскому была дана инструкция («разъяснения») о пределах его полномочий и способе выполнения возложенного на него поручения [7].

А. М. Кузминский прибыл в Баку 3 апреля 1905 г. и сразу приступил к рассмотрению всех начатых в следственных участках дел, имеющих отношение к событиям 6—10 февраля [2, с. 1]. В состав канцелярии ревизирующего сенатора были включены два старших чиновника: действительный статский советник Е. Н. Хлодовский и коллежский советник З. С. Резников, которые помогали А. М. Кузминскому расследовать дело об армяно-азербайджанских столкновениях и действиях властей в ходе этих событий. Сенатор передал своим помощникам ряд документов, в частности доклад Бакинского губернатора князя М. А. Накашидзе с дополнением к нему о событиях 6—10 февраля и копию рапорта начальника Бакинского гарнизона, контр-адмирала В. Я. Баля бакинскому временному генерал-губернатору от 4 марта 1905 г. за № 576, где описывались действия войск во время февральских событий [2, с. 9].

Членам канцелярии ревизирующего сенатора предстояло проанализировать действия должностных лиц гражданского ведомства, в том числе губернатора, полиции, а также военных. Кроме города Баку, ревизии подверглись действия должностных лиц в Балаханах, Сабунчах и Раманах. В указанных городах за время беспорядков, по сведениям А. М. Кузминского, с 7 по 10 февраля было убито 32 армянина и 5 «татар» (азербайджанцев); ранено 29 армян, 4 татар и 2 человека других национальностей, были разграблены «разные заведения и строения» (37 армянских и 1 еврейское), был подожжен дом Амиросланова, в котором сгорели квартиры Погосова и Цатурова. И «за все эти дни никто из убийц, грабителей и поджигателей не был задержан полицией на месте преступления», — писал сенатор [2, с. 9].

По данным предварительного следствия, как указывал А. М. Кузминский, ситуация выглядела следующим образом: 6 февраля 1905 г., в воскресенье, возле армянского собора, на площади Парапет, был убит армянами проживавший в Баку зажиточный мусульманин, житель селения Сабунчи Бакинского уезда, Ага Рза Бабаев [2, с. 1]. В ответ на это мусульмане напали на армян. Сенатор предполагал, что убийство произошло на почве кровной мести [2, с. 2].

Как выяснил сенатор, вскоре после убийства Бабаева на ближайших к Парапету улицах появились небольшие группы «городских татар» в 5—10 человек, которые кинжалами и выстрелами из револьверов стали убивать показывавшихся на улицах армян. В свою очередь и армяне также подстреливали азербайджанцев, появлявшихся в армянской части города. К вечеру кровопролитие усилилось. В числе пострадавших оказалось несколько русских, среди них ученик 7 класса реального училища Яков Лебедев и ученик технического училища Иван Волков [2, с. 2—3]. По данным предварительного следствия и по сведениям Михайловской городской больницы за 6 февраля было убито 18 и ранено 27 человек. Из них 6 русских, 25 армян, 9 азербайджанцев и 5 человек других национальностей [2, с. 3].

7 февраля в 10 утра вновь начались убийства армян. В городе возникла паника: лавки закрылись, движение по улицам прекратилось, население пряталось по квартирам. «Изредка лишь появлялись татары то в одиночку, то небольшими группами и, будучи вооружены большими револьверами наподобие офицерских, а также берданками и винтовками... кинжалами, открыто нападали и убивали появлявшихся на улицах армян», — указывал сенатор

[2, с. 3]. Армяне стреляли из окон, из-под ворот и с крыш в проходивших мимо азербайджанцев.

8 февраля начались разгром армянских магазинов, ресторанов, винных погребов, квартир, бань и поджоги домов, причем вместе с жильцами — армянами [2, с. 5]. Так, по данным А. М. Кузминского, было заживо сожжено несколько армянских семей в домах Бабаджанова и Лазаревой. Погибло более 30 человек [3, с. 16].

Одной из кровавых страниц армяно-азербайджанской резни стало, по словам сенатора, убийство армянской семьи Лалаевых, которую после поджога дома «выкурили» огнем из подвала. Потом толпа погромщиков «издала неистовый, дикий крик радости и ... произвела в Лалаева около двадцати выстрелов, из коих несколькими он был убит; теми же выстрелами была убита и жена Лалаева в тот момент, когда она при виде направленных в мужа ее револьверов хотела собою прикрыть его, а затем оба они были изуродованы ударами кинжалов, у них были распороты животы и рассечены лица. Вслед за убийством Лалаевых в толпе татар раздался возглас: “царь армянский убит”», — писал А. М. Кузминский [2, с. 6]. Тут же были убиты остальные члены семьи и прислуга. Детям удалось спастись.

В период описываемых событий, как констатировал ревизирующий сенатор, полиция и войска бездействовали [2, с. 11]. Только бесчеловечная расправа над семьей Лалаевых заставила власть отреагировать на погром. «Вскоре к месту происшествия подошла учебная команда Сальяновского полка и несколькими ружейными залпами... в течение получаса разогнала всех татар; улицы очистились от убийц и грабителей, и полное спокойствие в части города... водворилось», — писал А. М. Кузминский [2, с. 6].

Определенную роль в умиротворении враждующих сторон сыграла организованная губернатором процессия, в которой принимали участие представители мусульманского и армянского духовенства.

Таким образом, в период межнациональных столкновений первая реакция властей была неадекватной (бездействие). Только когда ситуация стала критической, администрация и военные решились на вооруженный разгон погромщиков. Причем убийцы и грабители остались безнаказанными, поскольку их никто не арестовывал [2, с. 8]. Так, по данным ревизии, в Баку с 6 по 9 февраля было разграблено 138 торговых заведений, лавок, мастерских и частных квартир (97 армянских и 30 азербайджанских) [2, с. 7], а задержано всего 17 человек. Среди них 5 армян и 12 азербайджанцев. «Во всех остальных случаях виновные в убийствах, грабежах и поджогах не были задерживаемы на месте преступления и остались необнаруженными», — констатировал А. М. Кузминский [2, с. 8]. В ходе резни, по сведениям сенатора, был убит городской и ранены двое рядовых.

Как указывал сенатор, по наблюдениям знающих бакинское городское мусульманское население лиц, в преступных событиях февральских дней принимали непосредственное участие низшие слои общества и многие сельчане, прибывшие на второй и третий дни событий из Сабунчей и других ближайших к Баку населенных пунктов. Награбленными из магазинов и домов вещами пользовались русские «босьяки» и бедные мастеровые. Особенно жадно они набрасывались на разного рода напитки [2, с. 8].

Беспорядки, происходившие в Баку 6—9 февраля, распространились и на прилегающие к городу нефтяные промыслы.

Как указывал сенатор, столкновения «сопровождались массовыми убийствами, поджогами, грабежами и обнаружили такие проявления зверства и жестокости, на какие способна только разбушевавшаяся и ничем не сдерживаемая толпа» [3, с. 1]. По словам А. М. Кузминского, всего за эти дни (с 6 по 10 февраля) только по официальным данным в Баку и Бакинской губернии было убито 269 человек, ранено 220. Однако, с точки зрения сенатора, эти цифры трудно признать достоверными, поскольку многие убитые и раненые, особенно из мусульман, были унесены и скрыты их родственниками без заявления в полицию. За время беспорядков сожгли 4 дома, разграбили 176 торговых заведений, мастерских и частных квартир [3, с. 1].

Степень жестокости, проявленная в ходе этих столкновений, была такова, что пресса того времени даже не решалась описать всех тех ужасов, которые происходили в течение 6—10 февраля 1905 г. в Баку. Обширная статья была напечатана в «Вестнике права» № 6 за 1905 г. [5, с. 218—242], автор которой, А. И. Новиков, привел показания очевидцев тех событий и попытался провести свое расследование причин возникновения конфликта. Ценность данной статьи заключается в том, что она была написана «по горячим следам» и в ней высказана версия, которая затем станет господствующей в советской (марксистской) литературе [4, с. 440] и в то время в целом. Вот что напишет, например, советский исследователь З. И. Ибрагимов в статье, посвященной, в том числе, событиям 6—9 февраля 1905 г. в Бакинской губернии: «Обеспокоенные размахом революционной борьбы трудящихся Азербайджана и всего Закавказья царское правительство и буржуазия решили покончить с революционным движением в Закавказье путем провокации межнациональных столкновений. Полиция под руководством Бакинского генерал-губернатора Накашидзе при поддержке азербайджанской и армянской буржуазии спровоцировала в Баку армяно-мусульманскую резню, продолжавшуюся с 6 по 9 февраля 1905 г. Царские власти и буржуазные националисты-панисламисты и дашнаки, используя банды кочи (разбойников. — С. О.) и дашнакских маузеристов, организовали такую же резню в Шуше, Елизаветполе, Тифлисе, Нахичевани и Эривани» [1].

Суть мнения А. И. Новикова заключалась в том, что никакой ненависти между армянами и азербайджанцами не существовало [5, с. 218], а национальные столкновения — это спланированная акция властей.

Кроме того, А. И. Новиков утверждал, что «не виноваты ни та, ни другая партии» — имелись в виду азербайджанцы и армяне, а «виноваты неизвестные агитаторы, возбуждавшие одну часть населения против другой» [5, с. 241].

Кроме заметки А. И. Новикова, события 6—10 февраля 1905 г. активно освещались в армянской и азербайджанской прессе тех лет. Через эти публикации проливался свет на подноготную межнациональных столкновений. Так, например, армянский автор — публицист И. Г. Алибегов в статье под названием «Завравшийся “публицист” и его общественные сподвижники» критиковал описание резни, данное в общероссийской прессе (С.-Петербургские ведомости) редактором азербайджанской газеты «Геят», депутатом Бакинской городской Думы Агаевым. И. Г. Алибегов обвинил Агаева во лжи, сокрытии истины о бакинском погроме и предвзятом освещении событий в прессе, что, с его точки зрения, вводило в заблуждение общественное мнение страны [1, с. 68—69]. В частности, Алибегов разобрал содержание статьи Агаева в «С.-Петербургских ведомостях» № 98 за 1905 г. под названием «Правда о бакинских событиях».

Азербайджанскими и армянскими публицистами по-разному оценивались причины массовых столкновений между мусульманами и христианами-армянами. Представители мусульманской прессы в лице Агаева обвиняли во всем армянскую буржуазию и вообще армян как «более культурный элемент в крае, якобы давящий невежественное мусульманское население» и утверждали, что между армянами и мусульманами существовали «трения» [1, с. 75].

Алибегов, наоборот, считал, что именно «мусульманская буржуазия и мусульманская плутократия из чувства меркантильной зависти» к более сильным слоям армянского общества разожгли страсти и искусственно вызвали «татаро»-армянскую распрю [1, с. 81].

Он видел причину столкновений в политической плоскости. Алибегов считал, что главную роль в разжигании антиармянских настроений среди мусульман сыграли неизвестные эмиссары, агенты-мусульмане, разъехавшиеся по всему Закавказью и Персии [1, с. 83—85]. Кроме того, И. Г. Алибегов обратил внимание на такие важные причины кровавых столкновений 1905 г. на Кавказе, как рост исламского экстремизма, подогреваемого из Турции, и религиозный фанатизм мусульман [1, с. 93—94].

Полемика, развернувшаяся на страницах тогдашней печати, показала, с какой сложной задачей пришлось столкнуться сенатору А. М. Кузминскому при проведении ревизии, в ходе которой необходимо было выяснить не только то, что произошло 6—10 февраля 1905 г. в Баку, но и то, почему это произошло. Требовалось найти конкретных виновников организации массовых столкновений. Обе стороны (армяне и азербайджанцы) взаимно обвиняли друг друга, намекали на деятельность «нелегальных эмиссаров», «нелегальных комитетов», «странную позицию полиции и властей». Во всем этом предстояло разобраться сенатору в самые короткие сроки.

Библиографический список

1. *Алибегов И. Г.* Елисаветпольские кровавые дни перед судом общества. Завравшийся «публицист» и его общественные сподвижники. Тифлис, 1906. URL: <http://www.genocide.ru/lib/alibegov/elizavetpole.html> (дата обращения: 26.02.2016).
2. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1905 году по Высочайшему повелению, сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. Б. М., б. г. 686 с.
3. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 году, по Высочайшему повелению, сенатором Кузминским ревизии города Баку и Бакинской губернии. Б. М., б. г. 70 с.
4. *Ибрагимов З. И.* Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане // Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России : сборник статей / под ред. Л. М. Иванова, А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова. М. : Гос. изд. полит. лит-ры, 1955. 832 с.
5. *Новиков А. И.* Власть и население Кавказа // Вестник права. 1905. № 6. С. 218—242.
6. Правительствующий Сенат. СПб. : Типо-литография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1912. 172 с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. СПб. : Гос. типография, 1908. № 26009. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book3139/10026/> (дата обращения: 26.02.2016).
8. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 1, ч. II: Учреждения государственные. СПб., 1892. 729 с.

РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О НЕДВИЖИМОМ ИМУЩЕСТВЕ

Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации о недвижимом имуществе позволила реализовать правила о правовом режиме недвижимости и ее отдельных видах, в частности предприятия и иных имущественных комплексах. В гражданский оборот была введена конструкция единого недвижимого комплекса как неделимой вещи. В связи с этим назрела необходимость модернизации положений кодекса о праве собственности и других вещных правах. Их толкование дается в судебной практике Верховного суда Российской Федерации.

Ключевые слова: Гражданский кодекс Российской Федерации, недвижимое имущество, предприятие и иные имущественные комплексы, единый недвижимый комплекс, право собственности и другие вещные права, правовой режим недвижимости, судебная практика.

The reform of the Civil code of the Russian Federation concerning the real estate allowed to realize the rules about the legal mode of real estate and its separate kinds. In particular, it dealt with enterprise and other property complexes. The notion of the single immovable complex was put into civil circulation as an indivisible thing. In this connection the necessity of modernization of certain code points concerning the right of ownership and other laws of estate has become urgent. The interpretation of these code points is given in the judicial practice of the Supreme court of the Russian Federation.

Key words: the Civil code of the Russian Federation, real estate, enterprise and other property complexes, single immovable complex, right of ownership and other laws of estate, legal mode of the real estate, judicial practice.

Реформирование Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) о недвижимом имуществе на основании Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I первой части Гражданского кодекса Российской Федерации» [16] позволило пересмотреть отношение к недвижимым вещам и их правовому режиму. В постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» констатируется отнесение к недвижимости вещи в силу своих природных свойств или прямого указания закона, если объект подчинен режиму недвижимых вещей [4]. Закон в целях обеспечения стабильности гражданского оборота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи. Однако она не является обязательным условием для признания вещи объектом недвижимости (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Поэтому судебная практика признает недвижимостью вещь по факту ее создания.

Для правомерно строящегося объекта незавершенного строительства суд рекомендует относить его к недвижимости, если установлено полное завершение работ по сооружению фундамента или аналогичных работ. В определении ВС РФ от 30 сентября 2015 г. № 303-ЭС15-5520 по делу № А51-12453/2014 было указано, что квалификация объекта незавершенного

строительства оценивалась через разрешение судом вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) по указанным признакам, так как недвижимое имущество должно обладать критерием прочной связи с землей. Установление замощения земельного участка, не отвечающего признакам сооружения, по мнению суда, служит его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Суд оценил корректность п. 24 постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации» в редакции постановления Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. № 13, в котором было также разъяснено, что если объект незавершенного строительства как самостоятельная недвижимая вещь отсутствует (например, на объекте не полностью завершены фундаментные работы и т. п.), то отказ в государственной регистрации права на него является правомерным [15]. Таким образом, «недострой» признается объектом незавершенного строительства, если возведен его фундамент.

В Обзоре судебной практики за 2010—2013 годы по вопросам, возникающим при рассмотрении дел, связанных с садоводческими, огородническими и дачными некоммерческими объединениями, утвержденным Президиумом ВС РФ от 2 июля 2014 г. [3], указывается, что для признания имущества недвижимым необходимо подтверждение того, что такой объект гражданских прав создан именно как недвижимость в установленном законом или правовыми актами порядке. Судебными инстанциями не установлено, был ли построен истцами объект недвижимости (была ли возведена дорога с соблюдением соответствующих норм и правил) или дорога представляет собой элемент благоустройства и предназначена для обеспечения в пределах территории товарищества потребностей его членов в проходе и проезде. Покрытие асфальтового полотна дороги за счет средств истцов само по себе не влечет у них возникновения права собственности на дорогу как объект недвижимости, расположенный на землях общего пользования, являющихся собственностью товарищества. Имущество общего пользования на территории некоммерческих объединений граждан предназначено обеспечивать в пределах границ подобных объединений потребности их членов в проходе, проезде, водоснабжении и водоотведении, электроснабжении, газоснабжении, теплоснабжении, охране, организации отдыха и иных потребностей. Земельные участки, относящиеся к имуществу общего пользования, закрепляются на праве собственности за такими некоммерческими организациями. На общем собрании их членов принимаются решения о формировании и использовании имущества, создании и развитии объектов инфраструктуры, устанавливаются размеры целевых фондов и взносов участников.

Модернизация ГК РФ не привела к замене понятия «предприятие» понятием «технологический комплекс недвижимости». Предприятие в целом признается объектом недвижимого имущества, т. е. имущественным комплексом, включающим все виды имущества, предназначенные для его предпринимательской деятельности. Сохранение юридической конструкции предприятия отвечает потребностям экономического развития государства, например, в сфере недропользования. Предлагается ввести в гражданский оборот горное предприятие и иные имущественные комплексы (горное имущество) как объект предпринимательской деятельности в сфере недропользо-

вания и выделить его специфические особенности: а) непосредственная связь с правом недропользования, которое удостоверено лицензией на право пользования недрами; б) целевое назначение предприятия по добыче полезных ископаемых и иных имущественных комплексов — строительство (создание) исключительных прав для целей недропользования — поиска, добычи полезных ископаемых; в) специальный учет таких объектов в активах недропользователя; г) специальный правовой режим объектов, создаваемых недропользователями горного предприятия, горного имущества, а именно: их регламентация нормами специального законодательства о недрах (горного законодательства), а также нормами гражданского, предпринимательского, земельного, природоресурсного законодательства [10, с. 9].

Единый объект недвижимого имущества не получил своего оформления в обновленном ГК РФ. В ст. 133 вводится понятие «единого объекта вещных прав» как вещи, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или ее назначения и которая в обороте выступает как единый объект, являясь неделимой вещью, несмотря на то что она имеет составные части. Так, замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, может квалифицироваться в обороте в качестве его части и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью. В постановлении Пленума № 25 предлагается использовать для таких случаев конструкцию «единого объекта вещных прав».

По мнению С. П. Гришаева, для подобных вещей изменились существенные признаки. В прежней редакции п. 1 ст. 133 ГК РФ достаточным критерием являлось свойство неделимости, в силу которого раздел вещи в натуре был невозможен без изменения ее назначения [7]. В. А. Белов отмечает, что были узаконены новые критерии неделимости вещи: неизбежность разрушения или повреждения при разделе, а также сделано уточнение, что неделимость вещи не препятствует тому, что она может состоять из нескольких частей [1].

Новеллой ГК РФ стала ст. 133.1 о едином недвижимом комплексе, под которым законодатель понимает недвижимую вещь, участвующую в обороте как единый объект. Признаками единого недвижимого комплекса служат совокупности зданий, сооружений и иных вещей при следующих условиях: а) они объединены единым назначением; б) неразрывно связаны между собой физически или технологически (например, линейные объекты: железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие); в) расположены на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как одну недвижимую вещь.

Суд акцентирует внимание на том, что при отсутствии государственной регистрации права как на одну совокупность вещей исключается понятие единого недвижимого комплекса. При этом части линейных объектов как разновидности таких вещей в силу их протяженности в пространстве могут быть расположены на различных земельных участках, а поэтому они физически не могут находиться на одном земельном участке. В силу данного обстоятельства отказ органа, осуществляющего государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, в регистрации единого имущественного комплекса лишь на том основании, что соответствующие объекты не расположены на одном земельном участке, не соответствует положениям ст. 133.1 ГК РФ.

Так, в постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 октября 2015 г. № ФО1-3581/2015 по делу № 39-656/2014 о взыскании

неосновательного обогащения в связи с использованием опор линий электропередачи установлено, что ответчик пользовался опорами для подвески и эксплуатации кабельных линий при отсутствии законных оснований и без оплаты, требование было удовлетворено частично, так как установлено вхождение опор в состав единого функционального комплекса истца, а факт заключения сторонами договора или внесения платы за их использование не доказан; размер неосновательного обогащения определен с учетом заключения эксперта и того факта, что ответчик пользовался не всеми опорами [14].

В письме Росреестра от 1 апреля 2014 г. № 14-исх/03596-ГЕ/14 «О направлении писем» [13] указывается, что в ст. 133.1 ГК РФ отсутствует норма, согласно которой единый недвижимый комплекс и находящийся под ним земельный участок являются одним объектом (т. е. земельный участок является частью единого недвижимого комплекса); он не должен быть сложной вещью, к нему применяются правила о неделимых вещах (он не может быть разделен или преобразован иным способом на самостоятельные объекты недвижимости). Представляется, что отсутствие критерия сложной вещи исключено неправильно и не соответствует закону, поскольку из него следует другой квалифицирующий признак — неделимость единого недвижимого комплекса. С ним связана судьба правового режима единого недвижимого комплекса через совокупность юридических действий, установленных в законе. К сожалению, в ст. 133.1 ГК РФ они не установлены. Поэтому небезынтересной представляется позиция Минэкономразвития РФ о необходимости реформирования редакции указанной статьи закона. Предлагается изложить ее следующим образом: сложной недвижимостью признается совокупность расположенных в границах муниципального образования и объединенных единым назначением зданий и сооружений, находящихся в собственности одного лица, расположенных на одном или нескольких земельных участках [21].

Таким образом, российская доктрина не отождествляет единый недвижимый комплекс с моделью единого объекта недвижимости, как это имеет место быть в странах германской правовой семьи, в частности Финляндии [2, с. 21—22], Германии [12, с. 102]. Напротив, законодательство Латвии допускает возможность объединения совокупности вещей на земельном участке [8, с. 25]. Всеобщий ГК Австрии понимает под недвижимыми вещами вещи, которые размещены на земле, с таким намерением, что они на ней постоянно будут располагаться [5]. Истоки австрийской и латвийской позиции нашли свое отражение при кодификации Французского ГК [20]. Напротив, английское право содержит понятие *land*, под которым понимаются не только земля, природные ископаемые, воды, деревья и другие растения, но и строения, прикрепленные к земле, и всякого рода предметы, расположенные на земле или принадлежащие к строению, при условии, что их отделение невозможно без существенного нарушения поверхности земли или строения в фискальных целях [9, с. 28]. ГК Чехии определяет, если закон признает совокупность вещей недвижимостью в обороте, фиксируется новый объект права «массовая вещь» [6].

В контексте правового режима единого недвижимого комплекса необходимо выделить специальные Федеральные законы от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [17] и от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [18] и ведомственные акты с приоритетом специальных правил. С учетом изложенного необходимо констатировать, что реформирование положений ГК РФ о недвижимом имуществе отразилось

на толковании гражданско-правовых норм о понятии недвижимости и ее критериях для отдельных видов недвижимого имущества, в силу чего юридическая общественность ожидает последующего обновления гражданского законодательства [19]. Концепция развития гражданского законодательства РФ сконструировала новую систему вещных прав на недвижимое имущество наряду с традиционным правом собственности [11]. Несомненно, что для их закрепления в ГК РФ требуется воля самого законодателя в принятии обновленных юридических норм о вещных правах на недвижимое имущество с учетом национальной традиции и исторического опыта зарубежных государств.

Библиографический список

1. Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе? : практическое пособие. М. : Юрайт, 2014. 183 с.
2. Боголенко В. А. Правовое регулирование в сфере недвижимости (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1. С. 20—24.
3. Бюллетень Верховного суда РФ. 2015. № 1.
4. Бюллетень Верховного суда РФ. 2015. № 8.
5. Всеобщий Гражданский кодекс Австрии / пер. с австр. С. С. Маслова. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Гражданский кодекс Чешской Республики. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Губарева А. В., Латыев А. Н. Недвижимость за рубежом. Правовые вопросы : учебное пособие. М. : Проспект, 2011. 131 с.
9. Дженкс Э. Английское право (Источники права. Судостройство. Уголовное право. Гражданское право) / пер. Л. А. Лунца ; предисл. М. М. Исаева, Л. А. Лунца. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 378 с.
10. Заманов Р. Д. Предприятия и иные имущественные комплексы как объекты предпринимательской деятельности в сфере недропользования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / ФГОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2015. 23 с.
11. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Немцов А. Особенности аренды нежилой недвижимости в Германии // Германороссийская ассоциация юристов : сборник статей о праве Германии (Sammelband in russischer Sprache zum aktuellen deutschen Recht) / сост. Д. Маренков. М. : Изд-во Германороссийской ассоциации юристов, 2015. Вып. 1. С. 101—112.
13. Письмо Росреестра от 1 апреля 2014 г. № 14-исх/03596-ГЕ/14 «О направлении писем». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 октября 2015 г. № ФО1-3581/2015 по делу № 39-656/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Путеводитель по судебной практике. Продажа недвижимости. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Российская газета. 2013. 5 июля.
17. Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 359.
18. Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4017.
19. Тресцова Е. В. Модернизация объектов недвижимого имущества в гражданском законодательстве Российской Федерации // Lex Russica. 2015. № 1. С. 67—75.
20. Французский гражданский кодекс / науч. ред. Д. Г. Лаврова ; пер. с фр. А. А. Жуковой, Г. А. Пашковской. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 1101 с.
21. URL: <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 03.02.2015).

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОЯВЛЕНИЯХ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Анализируются различия в проявлениях синдрома дефицита внимания и гиперактивности мальчиков и девочек младшего школьного возраста.

Ключевые слова: синдром дефицита внимания и гиперактивность, младший школьный возраст, половые различия.

The article analyzes the differences in the manifestations of syndrome of attention deficit and hyperactivity for boys and girls of primary school age.

Key words: attention deficit disorder and hyperactivity, primary school age, gender differences.

В современном виде термин «синдром дефицита внимания с гиперактивностью» (СДВГ) возник в 1987 г., хотя история изучения данного синдрома насчитывает более 150 лет, когда впервые появилось упоминание о чрезмерно активных детях. Современные разработки рассматривают СДВГ как нейробиологические нарушения, включающие следующие симптомы: невнимательность, гиперактивность, импульсивность, сложности в обучении [1, 3]. Эти отклонения обычно сочетаются с расстройствами поведения, задержками в развитии речи, а также задержками в приобретении необходимых школьных навыков. Однако довольно часто гиперактивные дети достаточно сообразительны, обладают неординарными способностями. Существенно, что интеллект таких детей сохранен, но черты, характеризующие СДВГ, — беспокорность, неуверенность, множество лишних движений, недостаточная целенаправленность, импульсивность в действиях и поступках, повышенная возбудимость — сочетаются с трудностями в приобретении учебных навыков (чтение, счет, письмо), что ведет к школьной дезадаптации, а также конфликтам со взрослыми и сверстниками [2].

Исследуемый нами младший школьный возраст является сензитивным возрастом, когда происходит интенсивное психическое развитие детей с прогрессивными изменениями во всех сферах — от усовершенствования психофизиологических функций до возникновения сложных личностных новообразований. Анализ возрастной динамики СДВГ показал два всплеска проявления синдрома. Первый отмечается в 5—10 лет и приходится на период подготовки к школе и начало обучения, второй — в 12—15 лет. Это обусловлено динамикой развития высшей нервной деятельности. Возраст 5,5—7 и 9—10 лет — критические периоды для формирования систем мозга, отвечающих за мыслительную деятельность, внимание, память, эмоциональное развитие [2]. Поэтому изучение психологических особенностей детей младшего школьного возраста с СДВГ — по-прежнему актуальная психологическая и педагогическая проблема.

© Круглова Е. А., Попель Н. В., 2016

Однако среди указанных проблем недостаточно изучены половые различия в проявлениях СДВГ у младших школьников. До недавнего времени среди гиперактивных детей преобладали мальчики. По современным научным данным у мальчиков 7—12 лет признаки синдрома диагностируются в 2—3 раза чаще, чем у девочек. Эта статистика объясняется тем, что именно с проблемами мальчиков родители чаще всего обращаются к врачам и психологам. Главная из них — отклоняющееся поведение и, как следствие, школьная дезадаптация. Девочки нарушают правила поведения значительно реже, но другие симптомы СДВГ характерны и для них.

В целях диагностики СДВГ мы использовали анкету для родителей, в которой перечислены симптомы невнимательности, импульсивности и гиперактивности. По результатам анкеты были сформированы четыре группы. В первую группу вошли девочки с СДВГ, во вторую — мальчики. Численность испытуемых в каждой группе — 30 человек, возраст — 8—10 лет. Контрольные группы были представлены младшими школьниками с отсутствием данного синдрома (30 мальчиков и 30 девочек).

Уже по результатам анкетирования обнаружили различия в специфике проявления СДВГ у мальчиков и девочек. Результаты представлены в таблице.

Группы детей с преобладанием определенного признака СДВГ

Формы СДВГ	Мальчики, %	Девочки, %
Преобладание нарушений внимания	32	50
Преобладание гиперактивности и импульсивности	48	30
Сочетанная форма	20	20

Данные анкетирования показали различия в структурном составе групп. Для мальчиков более характерны нарушения с преобладанием гиперактивности и импульсивности, для девочек — с преобладанием дефицита внимания, что подтверждает результаты предыдущих исследований.

Для изучения психологических особенностей гиперактивных детей мы использовали такие методики, как тест для исследования личностных особенностей младших школьников, разработанный Р. Б. Кеттеллом и Р. В. Коаном (адаптирован Э. М. Александровской), и проективную методику «Дом, дерево, человек».

Рассмотрим психологические различия между гиперактивными и негиперактивными *мальчиками*. Согласно результатам, полученным по методике Р. Б. Кеттелла, между двумя группами мальчиков существуют значимые различия по следующим показателям: «возбудимость», «доминантность», «смелость», «самоконтроль». Гиперактивные мальчики более возбудимы и доминантны. У них выражена склонность к самоутверждению, противопоставлению себя как детям, так и взрослым, что нередко сопровождается поведенческими проблемами и наличием агрессии, поскольку их лидерские тенденции часто не находят реального воплощения. Негиперактивные мальчики показали высокие оценки по факторам «смелость» и «самоконтроль». Дети легко вступают в контакт со взрослыми, они социально приспособлены, более успешны в овладении требованиями окружающей жизни, более эмоционально сдержанны.

Исследование эмоциональной сферы испытуемых установило: гиперактивные мальчики отличаются враждебностью и депрессивностью, что делает их склонными к конфликтам и другим нарушениям поведения.

Рассмотрим психологические различия между гиперактивными и негиперактивными девочками.

У гиперактивных девочек обнаружилось низкие оценки по факторам «открытость», «нормативность поведения», «смелость», «самоконтроль». Это означает, что дети данной группы недоверчивы, чрезмерно обидчивы, у них отсутствует интуиция в межличностных отношениях, в их поведении часто наблюдается негативизм, упрямство, эгоцентризм. Они выполняют предложенные задания, используя лишь конкретно-ситуационные признаки, примитивно подходят к решению своих проблем. У этих детей часто отмечается низкая концентрация и устойчивость внимания, утомляемость, пренебрежение своими обязанностями. У гиперактивных девочек наблюдается несобранность и отсутствие стойкой мотивации. Они не умеют контролировать свое поведение в отношении социальных нормативов, плохо организованны.

Группа гиперактивных девочек характеризуется высокими оценками по факторам «возбудимость», «экспрессивность», «напряженность», что означает повышенную возбудимость или сверхреактивность на слабые провоцирующие стимулы. При этом чрезвычайная активность у них порой сочетается с самонадеянностью. Для них характерно моторное беспокойство и отвлекаемость. Девочкам этой группы свойственны энергичность, активность, отсутствие страха в ситуации повышенного риска; им, как правило, присущи переоценка своих возможностей и чрезмерный оптимизм с избытком побуждений, которые не находят практической разрядки в процессе деятельности, в их поведении преобладает нервное напряжение.

В результате анализа было установлено, что между группами гиперактивных мальчиков и гиперактивных девочек существенных различий нет. Исключением является фактор «чувствительность», уровень которого у гиперактивных девочек значительно выше, что отражает эмоциональную чувствительность, богатое воображение, эстетические наклонности, «женственную» мягкость и зависимость.

Таким образом, эмпирическое изучение особенностей СДВГ у мальчиков и девочек младшего школьного возраста позволило нам сформулировать следующие выводы:

1) у мальчиков чаще встречается СДВГ с преобладанием гиперактивности и импульсивности, а у девочек — СДВГ с преобладанием нарушения внимания;

2) полностью подтвердилась гипотеза о том, что гиперактивность часто сопровождается тревожностью и конфликтностью детей, независимо от пола. Уровень тревожности и конфликтности как у гиперактивных мальчиков, так и у гиперактивных девочек достаточно высок;

3) разница между гиперактивными и негиперактивными девочками более выражена, чем между гиперактивными и негиперактивными мальчиками. Следовательно, проблема гиперактивности для девочек является не менее существенной.

Наше исследование отражает картину, сложившуюся в настоящее время в младших классах школы. Изучение психологических особенностей детей дошкольного и младшего школьного возраста с синдромом дефицита внимания и гиперактивности должно быть продолжено в целях его ранней диагностики и коррекции.

Библиографический список

1. Альтхерр М., Берг Р., Вельфль А. и др. Гиперактивные дети. Коррекция психомоторного развития. М. : Академия, 2004. 160 с.
2. Дробинская А. О. Синдром гиперактивности с дефицитом внимания // Дефектология. 1996. № 3. С. 72—74.
3. Заваденко Н. Н. Гиперактивность и дефицит внимания в детском возрасте. М. : Академия, 2005. 256 с.

ББК 88.41-8

*А. С. Коголовская***ПРИМЕНЕНИЕ МУЗЫКОТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ**

Рассматривается музыкотерапия как метод психотерапии и реабилитации, а также ее применение в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: музыкотерапия, реабилитация, развитие, дети с особыми нуждами.

Music therapy is considered as a method of psychotherapy and rehabilitation. The author considers its application in the work with children with disabilities.

Key words: music therapy, rehabilitation, development, children with special needs.

Музыка — единственный всемирный язык, его не надо переводить, на нем душа говорит с душой.

*Б. Ауэрбах****К истории вопроса***

В настоящее время все большую популярность приобретают интегративные методы восстановления, укрепления и сохранения физического и психического здоровья человека. Одним из таких перспективных методов признана музыкальная терапия.

Термин «музыкотерапия» используется для обозначения метода психотерапии, метода реабилитации, направления в арт-терапии. Все они опираются на целительное воздействие музыки на физическое, психологическое и духовное состояние человека.

Музыкальная терапия — это не просто акт художественного самовыражения. Она связана с использованием музыки для определенных психологических, психотерапевтических целей, направленных на изменение психического состояния человека, развитие психических процессов, эмоциональной сферы, речи. Музыкальная терапия используется при решении задач физического, эмоционального, коммуникативного, когнитивного и социального развития и удовлетворения соответствующих потребностей человека.

© Коголовская А. С., 2016

Серия

• «Естественные, общественные науки»

Она осуществляется специалистом в рамках терапевтических отношений. В терапии могут участвовать люди любого возраста и происхождения, на любых уровнях психического и физического развития. Им необязательно обладать музыкальными навыками и талантами.

Абу Али ибн Сина (Авиценна) в разделе «О воспитании» первой книги «Канона врачебной науки» [1] пишет: «К числу необходимых для младенцев средств для укрепления природы относятся: во-первых, легкое покачивание, во-вторых, музыка и песня, напеваемая обычно при убаюкивании. По степени восприятия этих двух вещей ребенком устанавливают его предрасположение к физическим упражнениям и музыке. Первое относится к телу, а второе — к душе» (цит. по: [3, с. 176]).

Выделяют четыре основных направления лечебного действия музыки [9]:

- эмоциональное активирование в ходе вербальной психотерапии;
- развитие навыков межличностного общения (коммуникативные функции и способности);
- регулирующее влияние на психовегетативные процессы;
- повышение эстетических потребностей.

Музыка способствует развитию познавательной сферы, самоконтроля, координации движений, коммуникативных, социальных навыков.

Понятия «музыкальная терапия» и «музыкальное воспитание и образование» не тождественны. Они схожи по методам, но различаются по цели приращения, фокусировке внимания специалиста в процессе работы с клиентами.

В музыкальной терапии первостепенная задача связана не с решением собственно музыкальных вопросов, таких как обучение игре на музыкальном инструменте или развитие звуковысотного слуха и др. Музыкальная деятельность рассматривается здесь как способ развития базовых психических функций, необходимых для общего развития и адаптации, а также является средством выражения эмоций и совладания с кризисной ситуацией.

В некоторых странах существует специальность «музыкальный терапевт на стыке музыки, психологии, медицины и педагогики», которая входит в список вспомогательных профессий здравоохранения (allied health professions). В России нет профессионально подготовленных музыкальных терапевтов, нет пока супервизии в этой области. Но можно говорить об аналоге их деятельности. Она осуществляется в России психологами, дефектологами, неврологами, иногда с привлечением музыкантов-волонтеров.

Работа средствами музыкальной терапии предполагает знание особенностей как демографической группы, так и конкретного клиента: его возможностей и ограничений, диагноза и прогноза.

Музыкальная терапия бывает индивидуальная и групповая; по степени вовлеченности — пассивная или реактивная (в зависимости от восприятия музыки), активная (активное музицирование) и интерактивная (музыкальное взаимодействие).

Ибн Сина считал, что «лучшим упражнением для всестороннего гармонического развития человека и сохранения его здоровья является пение и вообще музыкальное исполнительство» (см.: [12, с. 16]). Музыкальная терапия, по ибн Сине, это процесс, предполагающий не только пассивное слушание музыки и звуков вообще, но и активное участие в ее исполнении.

В понимании сути музыкальной терапии важно то, что мы понимаем под исцелением. Исцеление осмысливается как возвращение человеку целостности духовной и физической. Именно потеря целостности, иными словами

разрушение какой-либо составляющей в человеке, потеря первоначального баланса, и приводит к разнообразным физическим, психологическим и духовным недугам.

Среди лечебных факторов музыкальной терапии можно назвать следующие: звук, ритм, интонацию, мелодию. Рассмотрим некоторые из них.

В рамках музыкальной терапии особое внимание уделяется *терапии звуком*. С древних времен людям известна целительная сила отдельных звуков и звукосочетаний, произносимых собственным голосом. Особое значение звукотерапевтические практики имели и до сих пор имеют в Индии и Китае.

Среди методов и практик терапии звуком выделяют: терапию звуками природы; тонинг, т. е. протяжное произношение различных (чаще всего гласных) звуков для создания резонанса эмоционального, духовного или физического тела; метод резонансно-частотной терапии; технику акустического захвата, разработанную доктором М. Монро и получившую название «HEMI-SINC»; камертонную терапию; виброакустическую терапию.

В России среди методов терапии звуком особое место занимает колоколотерапия, применение которой часто связывается с именем А. В. Гнездилова. Работая в хосписе с паллиативными больными, он установил, что звуковые вибрации, ритм действуют как обезболивающее. Вместо колоколов он попробовал применять и билы — металлические пластины, которые использовали на Руси там, где не было колоколов. Он просил больных выбрать свой тон. В результате болевой синдром проходил у трети больных, еще треть легко засыпала. А. В. Гнездилов считает, что организм можно настроить на любой звук. Колокол помогает человеку обрести собственный голос, создать внутреннюю ритмику, обрести гармонию [7].

Специалисты утверждают, что «контакт» с колоколами делает общительным даже замкнутого человека (одна из главных функций колокольного звона — созыв и объединение людей) [14].

Колокольный звон также развивает слуховую память, формирует чувство ритма. А жизнь — это ритм.

Образ жизни современного человека таков, что для того, чтобы успевать делать необходимое, требуется четкое распределение времени. Это невозможно без хорошего *чувства ритма*.

Когда человек по каким-либо причинам (будь то неприятности или болезни) выбивается из ритма деятельности, он не может держать нужный ритм и темп работы. Помимо всего прочего, это означает, что равновесие его внутренних процессов возбуждения и торможения нарушено.

В. И. Петрушин пишет, что существуют три внутренних ритма человека, которые являются генетически исходными для музыкальных ритмов, — это ритмы дыхания, сердечных сокращений и биотоков мозга. Большинство музыкальных ритмов основывается на естественном фундаменте ритмов человеческого организма. Это прежде всего ритмы ходьбы, бега, дыхания, сердечных сокращений. Ритмы музыки — всего лишь отражение тех разнообразных ритмов, которые пронизывают весь наш жизненный цикл. Воспринимая и переживая ритмы музыки, мы как бы начинаем жить в ином измерении — в том движении и ритме, которые задает нам воспринимаемая музыка [11].

Многие исследователи приходят к выводу, что ритм — это наиболее сильнодействующее качество музыки. Рискнем предположить, что, в силу своей мерности, повторности, явление ритма есть попытка организовать время и создать время музыкальное. Совпадение же частот рождает явление

резонанса, влияющее на ход планет, характер человеческих взаимоотношений и «тонов с точки зрения их созвучия или несозвучия» (ибн Сина) и поэтому выступающее одним из основополагающих принципов звуковой терапии (см.: [15, с. 33]).

Известно, что звук может работать как во благо, так и во вред. Например, громкие звуки, слившиеся в нестройное звучание, образуют шум, от которого человек устает, который угнетает и разрушает нас. Звуки же и шумы большой мощности поражают слуховой аппарат, нервные центры, могут вызвать болевые ощущения и шок. Так действует шумовое загрязнение.

Естественное звучание природы: шелест листвы, журчание ручья, птичьих голоса, плеск воды — обычно приятно человеку. Оно успокаивает, снимает стресс.

Музыке должна быть присуща соразмерность. Как пишет А. Джумаев, «категория соразмерности... включает в себя такие моменты, как упорядоченность, пропорциональность, мера. В музыке соразмерность, видимо, выполняет подчиненную функцию, раскрывая одно из качеств, составляющих гармоничность» (цит. по: [15, с. 32]).

Мелодия образуется последовательностью звуков. Гармония же создается одновременным согласным звучанием нескольких звуков, которые формируют аккорды. Благодаря различным вибрациям, порождаемым этими аккордами, в душе слушателей возникает либо чувство гармонии, либо диссонанса. В современной повседневной жизни, полной разного рода трудностей и стрессов, музыкальная психотерапия может служить хорошим средством профилактики, утверждает А. Езык [4].

Многие специалисты в области музыкальной терапии используют целостные музыкальные произведения или их отрывки. Музыкальное произведение (его прослушивание или создание) в еще большей мере, чем отдельные звуки, способно выразить эмоциональное состояние и поэтапно трансформировать его — снять накопленное психическое напряжение, помочь успокоиться, сосредоточиться (чему посвящены работы, например, М. Элькина). Для этого подходит не только игра на музыкальных инструментах, но и вокализация.

В своих сочинениях «Компендиум музыки» и «Трактат о страстях» Р. Декарт высказывает мысль о том, что любое музыкальное сочинение — носитель определенного эмоционального состояния (аффекта), однако специфика восприятия (переживания) данного состояния зависит от психофизиологических особенностей слушателя. Точка зрения Декарта была поддержана в дальнейшем различными мыслителями (цит. по: [5, с. 29]).

Применение музыки в терапии с необходимостью предполагает учитывать возможности терапевтической среды, основными характеристиками которой являются безопасность, эффективность, удобство. Особую роль среди них играют терапевтические отношения.

Исполнение произведений, пение терапевта предполагает контакт с клиентом: контакт глаз, улыбку, сонатройку с ним по громкости, темпу, ритму и т. д.

Сонатройка с клиентом происходит, когда терапевт предлагает ему разные занятия, музыкальные инструменты, пытаясь установить с ним контакт, издавая с помощью музыкальных инструментов или подручных предметов те или иные звуки, начиная сперва невербальный (звуковой) диалог. В процессе сонатройки возникает их музыкальное взаимодействие.

Совместная игра на музыкальных инструментах или совместное пение помогают установить с клиентом более глубокие отношения. Терапевт не стремится к достижению музыкального результата и не корректирует действия клиента (если они не носят явно разрушительного характера). Важно дать ему возможность выразить себя и подыграть на том или другом инструменте.

Музыкальная терапия и дети с ограниченными возможностями здоровья

Как правило, больные дети, с которыми трудно контактировать, откликаются на звуки, на музыку. Музыка пробуждает их чувства, интерес к происходящему. Благодаря ей становится возможным большее.

Музыка может стать одним из условий оздоровления ребенка, ее использование оказывает неоценимую помощь в процессе обучения, развития, реабилитации. Музыку можно рассматривать и как способ улучшения эмоционального фона в семье, что может привести к гармонизации взаимоотношений в ней.

Музыкальные занятия находят хороший отклик при работе с аутичными детьми, которые завроженно прислушиваются к музыкальным звукам и мелодиям, сами извлекают звуки из музыкальных инструментов. Они заражаются эмоциями, которые несет музыка, и легче включаются в общую деятельность или внимательно наблюдают за окружающими.

Один и тот же музыкальный материал используется многократно, чтобы дети усваивали его каждый в своем индивидуальном темпе.

Занятия музыкотерапией способствуют развитию:

— двигательной сферы (освоение движений в процессе совместных танцев (хороводов), выработка общей координации, чувства ритма и ритмичности собственных движений). Музыкальные игры и танцы развивают координацию движений. На музыкальных занятиях вырабатывается музыкально-ритмическое чувство, что оказывает позитивное влияние на двигательную, эмоциональную и познавательную сферы;

— речи. Одним из условий развития речи является развитие неречевого (физического) слуха (улавливание, обработка и дифференциация различных звуков окружающего мира, различение звуков по громкости, тембру, ритмичности и другим параметрам, определение источника и направления звука, выделение конкретного звука среди других звуков). На занятиях можно обучать ребенка различать на слух звуки музыкальных игрушек: колокольчика, барабана, дудочки, металлофона, гармошки, пианино и др.

При помощи совместного пения и музыкальных игр происходит стимулирование активной речи ребенка [2]. Так, часто именно на музыкальных занятиях дети начинают петь или проговаривать простые слова припева любимой песни. Также во время пения ведется работа по развитию речевого и певческого дыхания, голоса, интонации;

— коммуникации. Аутичные дети склонны уходить от контакта, коммуникативные трудности встречаются у детей и с другими заболеваниями. Интересные возможности в этом отношении открывает методика музыкального терапевта Дж. Морено «Музыкальный диалог» [8, с. 78]. Эта идея первоначально была использована нами в виде звукового диалога с аутичными детьми. Когда ребенок во время занятия прятался в жесткий пластиковый туннель, контакт с ним удавалось установить с помощью перестукивания, изменения ритма, силы звука. Это вызывало интерес у ребенка, что ускорило его готовность к очному контакту. Им уже был диалог при помощи игрушечных

музыкальных инструментов. Впоследствии было замечено, что ребенок положительно откликнулся на звуки, мелодии и песни. Благодаря им он лучше включался в занятия, успешнее обучался. Высокая восприимчивость к музыкальным формам была замечена и у детей с другими заболеваниями.

Дж. Морено большую роль отводит музыкальной импровизации, как в индивидуальной терапии, так и в терапии малых групп, для повышения степени невербальной коммуникации. Он делает попытку адаптировать принципы подхода П. Нордоффа и К. Роббинса, которые занимались клавишной импровизацией, для более широкого круга и клиентов, и терапевтов, видит возможность применения метода музыкальной импровизации в групповой терапии [8, с. 31].

Еще одна идея Дж. Морено — «Музыкальный ансамбль» — нашла применение в нашей работе. Для этого нужны музыкальные инструменты, издающие одну ноту (при работе с детьми их следует обозначить цветными ленточками), схема мелодии с цветными изображениями инструментов вместо нот. Дети садятся за инструменты, дирижер показывает по схеме, чья очередь издавать следующий звук. В результате согласованных действий получается мелодия;

— взаимодействия в коллективе, согласованности своих действий с действиями других. Музыкаотерапия учит дожидаться своей очереди, рассчитывать свои усилия (ведь звук надо извлечь вовремя и так, чтобы он был услышан). В итоге повышается способность к волевому усилию и самоконтролю;

— эмоциональной сферы. Дети заражаются эмоциями, которые несет музыка, и легче включаются в общую деятельность или начинают проявлять интерес к происходящему, внимательно наблюдая за окружающими.

Более интенсивное использование на занятиях музыкальных средств оказало позитивное влияние на результаты развития детей. У них повышалось настроение и интерес к занятиям, которые становились для них все более значимыми и ожидаемыми. Об этом сообщали их родители, реакция самих детей во время занятий тоже об этом свидетельствовала. На фоне интереса и положительных эмоций дети лучше усваивали материал. Положительные эмоции получали и родители.

Приведем случай, который нас заинтересовал. В группе занималась девочка 12 лет с сильной задержкой в развитии и при этом абсолютно глухая. Тем не менее было трудно поверить в то, что она действительно ничего не слышит, так как создавалось впечатление, что девочка понимала обращенную к ней речь, а ее любимыми игрушками были музыкальные инструменты. Причем и такие, которые действительно издавали звуки, и такие, которые звуки не издавали (например, пластмассовая игрушечная гитара, игру на которой она имитировала). Другие игрушки не вызывали у нее столь сильного интереса. Задания, связанные с извлечением звуков, пением и танцами, привлекали ее более других. После года групповых занятий ее наконец взяли в специализированную школу, хотя до этого ей несколько лет отказывали. Действительно, она сначала не хотела заниматься и соблюдать правила, мама не могла с нею справиться. Но со временем контакт с мамой улучшился, девочка научилась следовать правилам и стала внимательнее, с желанием выполняла задания, лучше включалась в совместную деятельность. Повысился самоконтроль (она научилась ждать своей очереди, выполнять просьбы и поручения, стала доводить до конца задания в учебной комнате, проявлять большую инициативу в общении).

Очевидно, что любое взаимодействие предполагает следование тем или иным правилам и принятие тех или иных ограничений. Введение определенных ограничений и правил взаимодействия повышает эффективность развивающих занятий.

Е. Н. Котышева описывает музыкотерапевтические приемы установления контакта [6]. Среди них — сопровождение действий ребенка музыкальным отрывком, исполняемым, к примеру, на фортепиано, бубне, созвучным его настроению и характеру действий; сопровождение голосом — комментарий движений, выполняемых ребенком, с пропеванием текста под мелодию, соответствующую его настроению («побежали, покружились и на место сели»); совместная игра на музыкальных инструментах, при этом следует дать ребенку возможность самостоятельно обследовать, опробовать инструменты, выбрать особо понравившийся, выразить себя, а педагог может подыграть на том или другом инструменте.

Е. Н. Котышева также подчеркивает, насколько важно в работе с такими детьми использование ритуалов: одни и те же музыкальные произведения или их отрывки сопряжены с важными элементами занятий — с их началом и окончанием, с переходом от одного этапа занятия к другому. Повторяющиеся элементы занятий и музыкальные произведения создают у ребенка ощущение безопасности и открывают возможности к овладению новыми умениями [6].

На самых первых встречах дети (особенно с аутизмом) иногда плакали, терялись и затыкали уши, когда включалась музыка и начинались совместные действия. Но постепенно они привыкали, все больше улыбались при звуках уже знакомых песен, с интересом и радостью воспринимали знакомую им музыку.

Четкая структура занятий, одни и те же упражнения, чередующиеся в определенной последовательности, позволяют детям сориентироваться в ситуации, преодолеть тревожность, получить удовольствие от предлагаемых игр. По мере привыкания к порядку заданий добавляются новые игры, меняется порядок заданий.

Внимание созданию взаимосвязей детей уделяет в своей работе П. Сансон. Для этого используются музыкальные игрушки, танцы. Ритм помогает ребенку осознать свое тело, считает Сансон. Детям предлагается имитировать движения дирижера. В созданном им хоре и оркестре для детей с аутизмом только 30 % из них умели говорить. Но при этом все пели. Говорящие дети пели естественно, остальные раскачивались в такт музыке либо издавали звуки ей в такт [13, с. 24—25].

Е. Н. Котышева использует музыкотерапию в сочетании с другими видами коррекционной работы. Музыкотерапия, считает она, может служить страдающему ребенку жизненно важной поддержкой и источником человеческого общения, а также средством выразить себя именно на доступном ему уровне. Логоритмика, слушание музыки, пение, игра на детских музыкальных инструментах и танцы — основные элементы занятий — направлены на решение не музыкальных задач, а значимых для развития ребенка проблем [6].

В. Оклендер подчеркивает важность музыкальных средств для выражения чувств (например, агрессии — с помощью ударных инструментов), для развития сенсорной сферы (что необходимо для усиления чувства «Я», заботы о себе) [10].

Наш опыт показывает, что применение музыкотерапевтических средств в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья хорошо сочетается с элементами канистерапии (терапия с участием собак). У детей и животных есть схожие потребности, в том числе связанные с любовью к музыке, мелодии, ритму. Благодаря этому открываются новые возможности в реабилитационной работе.

Библиографический список

1. *Абу Али ибн Сина (Авиценна)*. Канон врачебной науки. Ташкент : АН УзССР, 1954. Кн 1. 550 с.
2. *Битова А. Л., Константинова И. С., Цыганок А. А.* Место музыкальной терапии в системе помощи ребенку с нарушениями развития. URL: <http://www.osoboedetstvo.ru/book/mesto-muzykalnoy-terapii-v-sisteme-pomoshchi-rebenku-s-narusheniyami-razvitiya> (дата обращения: 15.02.2016).
3. *Джумаев А.* Музыкально-эстетические взгляды Ибн Сины // Музыка народов Азии и Африки. М. : Сов. композитор, 1984.
4. *Езык А.* Введение в музыкальную психотерапию. URL: http://upsihologa.com.ua/Vvedenie_v_muzykalnuyu_psihoterapiyu.html (дата обращения: 15.02.2016).
5. *Клюев А. С.* Философия музыки : избранные статьи и материалы. СПб. : Астерион, 2008. 240 с.
6. *Котышева Е. Н.* Музыка, как элемент терапии в реабилитации детей с нарушениями общения. URL: <http://festival.1september.ru/authors/104-012-143> (дата обращения: 15.02.2016).
7. *Куцева Н.* Старость не в тягость : интервью с А. Гнездиловым. URL: http://www.existradi.ru/index.php?catid=49:-12&id=238:2009-08-08-11-55-05&Itemid=59&option=com_content&view=article (дата обращения: 15.02.2016).
8. *Морено Дж.* Включи свою внутреннюю музыку : музыкальная терапия и психодрама. М. : Когито-Центр, 2009. 143 с.
9. Музыкаотерапия : рассказывает Владимир Элькин. URL: <http://psychologconsultation.com/2013/01/31/muzykoterapiya-rasskazyvaet-vladimir-elkin/> (дата обращения: 15.02.2016).
10. *Оклендер В.* Скрытые сокровища. М. : Когито-Центр, 2012. 340 с.
11. *Петрушин В. И.* Неврозы большого города. URL: <http://www.mindlabyrinth.ru/additional/illwin/detail.php?pid=1026&sid=75> (дата обращения: 15.02.2016).
12. *Раджабов А.* Из истории развития таджикской музыкальной культуры (V—XII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1982.
13. *Сансон П.* Психопедагогика и аутизм : опыт работы с детьми и взрослыми. М. : Теревинф, 2007. 208 с.
14. *Фарафонтова Л. А.* Звук и его влияние на человека. URL: <http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/02/22/zvuk-i-ego-vliyanie-na-cheloveka> (дата обращения: 15.02.2016).
15. *Юркова А.* Абу Али ибн Сина и его музыкальная терапия // Старинная музыка. 2007. № 3—4 (37—38). С. 31—33.

В. И. Назаров, С. В. Пантюшина

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЯ К РУКОВОДИТЕЛЮ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Представлены результаты наблюдений изменения факторов, влияющих на отношение сотрудников к руководителям производства. Исследования проведены за период с конца 1980-х гг. по начало 2000-х гг. Изменения социальной перцепции в управлении анализировались в зависимости от трансформаций экономических и производственных макропроцессов. Основные заключения и выводы указывают на взаимозависимость оценок сотрудников с общественными и социальными изменениями. С начала проведения исследования стереотипы оценивания и уровень перцептивной активности существенно изменились.

Ключевые слова: перцепция, сотрудники, руководитель, социальные процессы, трансформация, взаимосвязь.

The results of the observations of the factors that influence relationships between managers and workers are presented. The research covers the period from the end of the 1980-ies till 2010. The changes of social perception in management were analyzed in relation to the transformations of economic/industrial processes. The main conclusions and findings point at the interconnection between workers' estimates and public social changes. It was found out that stereotypes of estimation and perception have undergone great changes since the start of the research.

Key words: perception, workers, manager, social processes, transformation, interconnection.

Принимая на себя ответственность судить об ориентации возможных исследований социальной перцепции в управлении, мы делаем это после многолетнего изучения нашей лабораторией динамики ее процессов [1, 2, 3, 4]. Если встать на позиции работника предприятия периода 1980—2000-х гг., то объективно видна его социальная и общеадаптивная напряженность, ставшая фоном для всех психологических процессов, включая и перцепцию в управлении. Это имело много причин, в том числе прекращение работы традиционных производств и появление новых видов деятельности, в которых практически не применялись старые навыки и опыт труда. Широко происходила смена форм и профилей работы предприятий вплоть до перехода с товарного производства к производству товаров и услуг. Очевидная нестабильность секторов экономики проявлялась частой сменой руководителей предприятий, сменой форм собственности, что исключало формирование глубоких традиций деятельности коллективов.

Названные особенности протекали на фоне высокого уровня как реальной, так и скрытой безработицы. Общим итогом можно назвать формирование значительной по выраженности зависимости и незащищенности сотрудников от формальных требований организации, в которой они трудились. Особо следует указать на остроту проблем для лиц всех категорий наемного труда, принимаемых на работу с испытательным сроком, имеющих низкую

квалификацию и др. Как следствие (в этом убеждают данные исследований), с 90-х гг. по настоящее время происходила смена приоритетов в оценивании рабочими и сотрудниками групп качеств руководителей, как управленцев и как личностей.

Отметим, что под социальной перцепцией нами понимается восприятие и понимание человеком другого человека. В целом этот термин является устоявшимся, хотя по замечанию Г. М. Андреевой (Социальная психология. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 13), «социальная перцепция» как понятие употребляется не слишком точно, с чем можно согласиться. Позднее это понятие расширилось, в силу чего социальной перцепцией стали называть процесс восприятия социальных объектов (люди, социальные группы, крупные социальные общности). Именно в таком контексте термин чаще присутствует в социально-психологической литературе.

Методологические и теоретические основы изучения социально-психологических процессов восприятия людьми друг друга традиционно были темой исследования отечественных ученых. При этом человек в подобных исследованиях изучался как многоуровневая система, воплощение противоречивого триединства — природы, социума и культуры, создавая возможность его познания в рамках социальной психологии.

Нередко выводы и заключения отечественных исследований при сравнении с работами зарубежных авторов остаются спорными [5]. Причинами этого являются различия методологических принципов, на основе которых строились исследования, хотя вклад зарубежных авторов в изучение проблемы социальной перцепции также значителен. Среди них следует назвать таких ученых, как Д. Браун, Д. Дженнингс, Э. Джонс, К. Дэвис, Д. Кэмпбелл, Г. Линдсей, А. Маслоу, Т. Ньюком, Г. Оллпорт, Р. Хайдер, Р. Хари, Е. Холландер, Г. Хоуменс и др. Общим и у нас, и за рубежом было то, что перцепция рассматривалась или как неотъемлемое качество субъекта (генетический аспект), или как реальный факт, вписанный в пространство и время. По сравнению с факторологическим атрибутивный подход оставался более разработанным.

Долгое время особенность различных подходов к изучению социально-перцептивных процессов заключалась в том, что они не учитывали временных, структурных и пространственных признаков процесса, а делали это фрагментарно. Необходимость устранения такого положения становилась очевидной по мере опубликования результатов работ по вопросам общей теории восприятия (Л. М. Зеккер, М. Д. Дворяшина, В. П. Зинченко, С. В. Кравков, П. П. Лазарев, Е. Н. Соколов, Л. А. Шифман и др.). В то же время метасистемный итог для реализации взаимосвязанных психологических процессов предсказуем. К. А. Абульханова-Славская, взглядам которой, по нашему мнению, присуща высокая методологическая гармоничность, так акцентирует внимание на этом аспекте: «Вся социальная действительность имеет временно-пространственные параметры... Тем более определенные требования временно-пространственного характера предъявляет к индивиду практическая деятельность (производство). Эти требования не сводятся только к повышению производительности труда, но выступают в виде ряда производственных норм человеческой деятельности временно-пространственного характера, которые адресованы индивиду» [1, с. 301]. Развивая эту мысль, мы логически приходим к выводу, что индивид в совокупности своих объект-субъектных качеств постоянно встроен в конкретное (в данном случае —

производственное) социальное окружение и на момент его (индивида) изучения в этом окружении являет с ним единую систему, подлежащую и поддающуюся изучению.

В этой связи руководитель и подчиненный становятся не только субъектами взаимного познания, то одновременно и объектами, и субъектами воздействия. Последнее является исключительно важным, поскольку делает обоснованным изучение перцепиента как объекта процесса перцепции.

Сенсорные входы человека характеризуются значительной пластичностью и гибкостью. Человек может с максимальной выгодой использовать избыточность информации. Однако, по мнению ученых, преимущество человека, связанное с переработкой информации, заключается не в том, что он извлекает выгоду из избытка информации, а скорее в том, что он рафинирует ее поток по принципу «сужающейся воронки», избавляясь от информационного «шума» и пропуская в головной мозг адекватные имеющимся потребностям сигналы. Поэтому информация, как говорил основоположник кибернетики Н. Винер, «это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей в ней жизнедеятельности» [2, с. 142]. Это обстоятельство делает процесс социальной перцепции динамичным.

Поэтому мы исходим из того, что процесс социальной перцепции в управлении в большой мере детерминирован функционально-структурными образованиями субъекта перцепции (установками, стереотипами, ценностными ориентациями и т. д.), отражающими направленность личности и взаимодействие со средой. По своей природе система ценностных ориентаций достаточно устойчива, но и ей свойственно меняться под действием социокультурных факторов, особенно таких мощных, как глобальное изменение макросреды (политическое, социальное, экономическое).

Изучение динамики системы ценностных ориентаций работников промышленных предприятий в период с начала 1980-х гг. по 2006 г. позволило выявить значительные изменения ценностных ориентаций на фоне изменений макроситуации в стране.

На рисунке 1 представлены результаты исследований ценностных ориентаций, проведенных в 80-х гг., т. е. во время относительно стабильной социально-экономической ситуации в стране, в середине 90-х гг. — в период политического кризиса и в 2003—2006 гг. (далее — в 2000-х гг.), в начале послекризисной стабилизации.

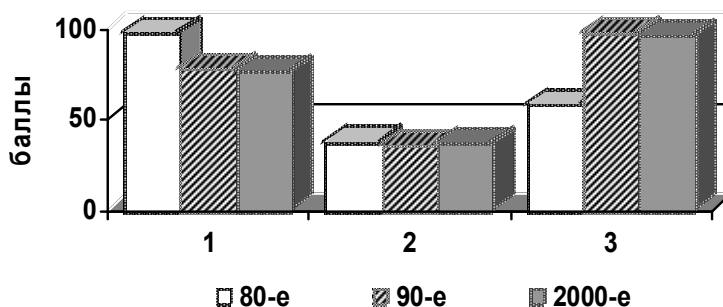

Рис. 1. Ценностные ориентации — цели жизни работников промышленных предприятий (N = 3100 чел., N₁ — труд, N₂ — познание, N₃ — мат. ценности)

Переход к рыночной экономике и разразившийся в 90-х гг. социально-экономический кризис привели к развитию новых деловых отношений и внесли в жизнь общества безработицу, отсутствие гарантированных материальных благ, что автоматически вызвало коренные изменения в приоритетах, установках и ценностях людей, сделало их более прагматичными. Адаптационная реакция проявилась, прежде всего, в том, что материальные ценности заняли первое место в структуре ценностных ориентаций, т. к. только при получении высоких доходов становились доступными другие материальные (квартира, автомашина и т. д.) и не материальные блага (образование, отдых, лечение). Труд стал выступать не столько как терминальная, а как инструментальная ценность, поскольку для большинства людей трудовая деятельность осталась единственным средством достижения материального благополучия.

Спустя 8—10 лет (в начале 2000-х гг.) в иерархической системе ценностных ориентаций работников промышленности закрепились структура, начало формирования которой было положено в 90-х гг.: материальные ценности — труд — общение — познание. В социально-перцептивном процессе актуализировалась новая трансформация — изменение структуры ценностей у воспринимающего субъекта. Это произошло на фоне социально-экономического кризиса.

В текущее время закономерно доминирует ориентация на *материальные ценности* (рис. 2). Большинство опрошенных стремится в первую очередь достичь материальной обеспеченности. Особое внимание уделяется поиску высокооплачиваемой работы, сильно желание иметь благоустроенную квартиру, личную автомашину, а также возможность хорошо питаться и одеваться по моде в современных магазинах. Особой ступенью в реализации жизненных целей многих является потребность в быстром продвижении по службе, карьерном росте и/или потребность иметь хорошие взаимоотношения с нужными людьми (хорошие связи).

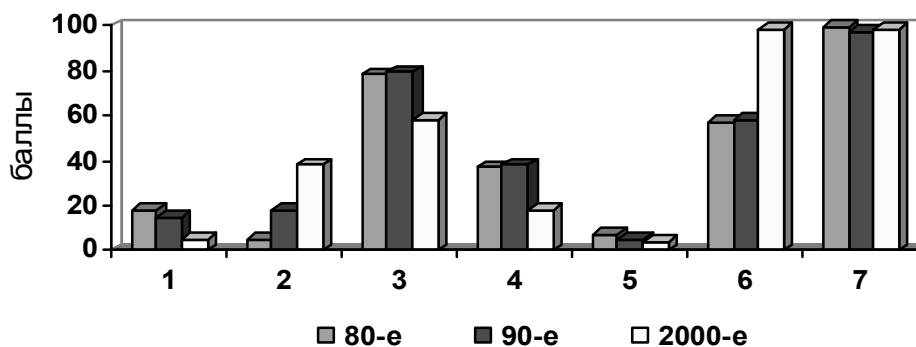

Рис. 2. Структура ценностных ориентаций на материальные ценности работников промышленных предприятий (N = 3100 чел., N₁ — следовать моде, N₂ — карьера, N₃ — квартира, N₄ — выгодные связи, N₅ — автомашина, N₆ — высокая з/п, N₇ — мат. обеспеченность)

При такой сильной ориентации на материальные блага проявляется четко выраженная направленность на трудовую деятельность (рис. 3).

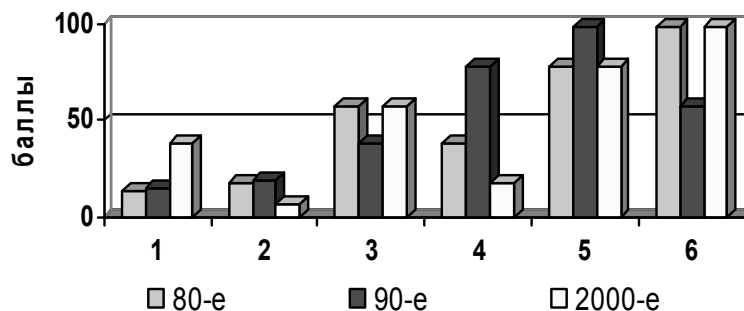

Рис. 3. Структура ценностных ориентаций на труд работников промышленных предприятий (N = 3100 чел., N₁ — полезные знания, N₂ — эффективность труда, N₃ — удовлетворенность трудом, N₄ — ответственность труда за результаты, N₅ — получение профопыта, N₆ — хорошая специальность)

Высокая оценка значимости *труда* для современного работника находит выражение в планах построения личной карьеры и формировании деловой активности к приобретению знаний по специальности, накоплению профессионального опыта. Вместе с тем значительно девальвировались понятия «сознание общественной полезности своего труда» и «ответственность за порученное дело».

Общение по-прежнему представляет ценность. Уменьшилось лишь стремление иметь хорошие отношения с коллегами по работе, видимо, на производстве начинают преобладать более официальные и прагматичные отношения. Одновременно увеличивается стремление людей к обретению навыков коммуникации, способствующих общению, — жизнерадостности, чувства юмора. Вместе с тем самокритичность, как умение относиться к достигнутому, которая в 80—90-х гг. считалась важной чертой личности советского человека, утратила свою привлекательность и воспринимается в современном обществе как тормоз в стремлении к достижениям. Сегодня люди более склонны к риску, чем к самоанализу. Другим основанием для формирования отношения к руководителю стали изменения в структуре нравственных качеств работников.

Первые признаки начинающихся изменений структуры оценивания фиксировались в результатах исследований уже в первой половине 90-х гг. Тогда мы стали неожиданно наблюдать, что ряд вопросов в анкетах, направленных на установление отношения к своему руководителю, вызывали затруднения. За этим отчетливо появилось внимание к моральным качествам руководителя, его стилю взаимоотношений с подчиненными. Закрепление этих тенденций обосновало изменения в направлениях диагностико-инструментальных усилий. Прежде всего, это коснулось выявления следующих параметров:

- преобладающих интересов и потребностей, ценностей и идеалов работников, их мотивации к профессиональной деятельности;
- влияния новых социальных норм и правил взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов организации в ходе производственной деятельности;
- удовлетворенности работников различными сторонами своей жизнедеятельности;
- лояльности работников своей организации;
- преобладающего стиля руководства;
- отношения руководителя к соблюдению нравственных и моральных норм в организации;

• социально-психологической напряженности, а также конфликтности в межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношениях.

При этом мы отчетливо понимаем, что апробированная совокупность не исчерпывает всех необходимых для изучения социально-перцептивного процесса в управлении направлений диагностики, осуществляемых в периоде масштабных общественно-социальных изменений. Доказательными в этом плане работами последнего периода являются комплексные исследования под руководством А. Л. Журавлева, в которых анализируются теоретические и прикладные проблемы психологии управленческого взаимодействия [5, 6, 7, 10]. Конкретные выборы инструментария зависят от парадигмы исследования, ряда иных обстоятельств и, в первую очередь, от цели и задач, стоящих перед учеными. В методологическом отношении достоверная фиксация многомерности перцептивной активности, ее включенности в разнообразные взаимосвязи и взаимоотношения всегда остается чрезвычайно важной.

До периода (на примерах наших наблюдений) 2005—2007 гг. происшедшие изменения в структуре оценок руководителя можно объединить в своеобразный сформировавшийся стереотип проявления перцептивной активности. Она преимущественно стала направленной в отношении трех интегрирующих параметров: стабильности рабочего места (предприятия), уровня заработной платы и отношения непосредственных руководителей к работникам. За рассмотренный период прослеживается колебательная динамика жизненных ценностей работников. Сообразно этим трансформациям формировалось преимущественное отношение к руководителям. Это делает актуальным на краткосрочную перспективу изучение факторов, обуславливающих вышеназванные колебания в целях прогнозирования социального и производственного поведения субъектов в сфере экономики.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Личность в процессе деятельности и общения // Психология личности : в 2 т. Самара : Бахрах, 1999. Т. 2. С. 301—331.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. М. : Иностранная литература, 1958. 200 с.
3. Гительмахер Р. Б. Восприятие руководителя подчиненными : учеб. пособие / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1994. 139 с.
4. Гительмахер Р. Б., Назаров В. И. Команда менеджера / Иван. гос. ун-т. Иваново, 1997. 200 с.
5. Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2011. 560 с.
6. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия : (теоретические и прикладные проблемы). М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 476 с.
7. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология социального предпринимательства : концепция психологических отношений. М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 476 с.
8. Назаров В. И. Социальная перцепция в управлении: теория и практика. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. 244 с.
9. Никифорова Н. А. Трансформация социально-перцептивных процессов в управлении при радикальных изменениях макросреды. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. 179 с.
10. Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / под ред. В. А. Боброва и А. Л. Журавлева. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. 589 с. (Труды Института психологии РАН).
11. Тарасов В. К. Управленческая элита : как мы ее отбираем и готовим. М. : Добрая книга, 2013. 496 с.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА УНИВЕРСИТЕТА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА

Рассматривается понятие образовательной информационной среды как средства развития информационной компетентности студента. Выделяются подходы к определению понятия «информационная компетентность», а также рассматривается процесс её формирования.

Ключевые слова: образовательная информационная среда, информационная компетентность, формирование образовательной информационной среды.

The article deals with the notion of educational information environment as a means of development of information competence of the student. Various approaches to the definition of the notion «information competence» are discussed and the process of information competence formation is described.

Key words: educational information environment, information competence, formation of educational information environment.

В XXI веке, когда развитие информационных технологий достигло высокого уровня, актуальной стала проблема развития информационной компетентности студентов как системообразующего начала для успешной реализации в профессиональной деятельности. Современному обществу нужны высококвалифицированные кадры, способные ориентироваться в потоке научной и технической информации, умеющие критически мыслить и защищать свою точку зрения, способные самостоятельно искать пути решения проблем, умеющие анализировать новые ситуации и применять уже имеющиеся знания, способные к сотрудничеству. Темпы обновления знаний настолько высоки, что на протяжении жизни человеку приходится неоднократно переучиваться, овладевать новыми видами профессиональной деятельности. Непрерывное образование становится реальностью и необходимостью. Для успешного образования, и в первую очередь самообразования, человек должен владеть целым рядом компетенций, ключевой среди которых, на наш взгляд, можно считать информационную компетенцию.

Вышесказанное позволяет говорить об актуальности исследований, посвященных изучению проблем формирования образовательной информационной среды, являющейся средством развития информационной компетентности студента университета.

Компетенции как результаты образования рассматриваются сегодня исследователями как главные целевые установки профессионального образования, как основа для создания модели выпускника высшей школы.

В научной литературе сегодня можно наблюдать разнообразие подходов. А. В. Хуторской определяет образовательную компетенцию как заранее заданное социальное требование (норму) к образовательной подготовке, выраженное совокупностью взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления лично и социально значимой продуктивной деятельности. Компетентность — владение, обладание студентом соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности. Компетентность — уже состоявшееся личностное качество (совокупность качеств) ученика и минимальный опыт деятельности в заданной сфере [5, с. 110].

В исследованиях организаций европейского сообщества — проекте DeSeCo (Definition and Selection of Competencies)¹ представлены инструменты ключевой компетентности:

А. Язык. Использование символов и текстов в интерактивном режиме.

Б. Знание. Использование знаний и информации в интерактивном режиме.

В. Технология. Использование технологий в интерактивном режиме [6].

Федеральные государственные образовательные стандарты всех уровней образования информационную компетентность также определяют как результат образования.

Следует отметить, что сформированность информационной компетентности как требование профессиональной деятельности закреплено в стандартах.

Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих предписывает специалисту владеть высоким уровнем сформированности информационной компетентности.

Все вышеперечисленное приводит к необходимости рассмотрения содержания понятия «информационная компетентность». В научной литературе можно встретить достаточно много определений этого понятия. В каждом из них авторы акцентируют внимание на отдельных аспектах данной компетенции. В частности, О. Б. Зайцева в своем исследовании дает достаточно общее определение и понимает под информационной компетенцией сложное индивидуально-психологическое образование на основе интеграции теоретических знаний, практических умений в области инновационных технологий и определенного набора личностных качеств [1]. А. Л. Семенов определяет информационную компетенцию как новую грамотность, в состав которой входят умения активной самостоятельной обработки информации человеком, принятие принципиально новых решений в непредвиденных ситуациях с использованием технологических средств [3].

Информационная компетентность — это интегративное качество личности, являющееся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющее вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности [4].

Предполагается, что современный выпускник школы, вуза должен не только обладать этими навыками, но и уметь самостоятельно работать

¹ Проект «Определение и выбор компетентности».

над повышением своей компетентности в выбранной сфере профессиональных интересов.

Достижение результатов обучающимися должно обеспечиваться системной деятельностью педагогического коллектива и специалистов университета по формированию образовательной информационной среды.

Развитие информационной компетентности обучающегося может продуктивно осуществляться тогда, когда в образовательной организации происходит целенаправленное формирование образовательной информационной среды, а в дальнейшем и ее развитие.

Среди всего многообразия сред, которые функционируют в образовательной организации, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает образовательная информационная среда. Под *образовательной информационной средой образовательной организации* (ОИСОО) мы понимаем систему психолого-педагогических условий и программно-аппаратных средств, способствующих информационному взаимодействию между субъектами образовательного процесса, в результате которого происходят развитие их личности и повышение качества учебных достижений обучающихся [2].

Под *формированием образовательной информационной среды образовательной организации* мы понимаем оптимизацию взаимодействия всех компонентов среды, направленную на усиление непосредственного и опосредованного образовательного влияния на объект образования, в качестве которого могут выступать разные субъекты: во-первых, обучающиеся, на которых направлена образовательная деятельность организации, во-вторых, сама организация, а также все то, что является местом образовательной деятельности [2].

Процесс формирования ОИСОО включает следующие структурные компоненты: цель, информационное взаимодействие субъектов, содержание информации, средства, методы, формы работы с информацией, результат.

Целью процесса формирования ОИСОО является создание системы организационно-педагогических условий, изменяющих характер традиционного информационного взаимодействия между субъектами образовательного процесса и способствующих развитию информационной компетентности обучающихся.

Системообразующим компонентом процесса формирования ОИСОО является информационное взаимодействие ее субъектов, под которым мы понимаем процесс передачи-приема информации, представленной в любом виде при реализации обратной связи, с учетом наличия развитых средств ведения диалога в условиях возможности сбора, обработки, продуцирования, архивирования, транслирования информации, имеющий следствием изменение поведения, деятельности, отношений, установок и т. д.

Информационное взаимодействие субъектов образовательного процесса в университете осуществляется в различных направлениях. В ходе изучения обучающимися учебных дисциплин, прохождения производственной практики, выполнения курсовых и дипломных проектов происходит формирование отдельных компонентов информационной компетентности. Благодаря развитию информационных технологий изменяются формы и средства информационного взаимодействия. В образовательном процессе используются такие формы, как сайт образовательной организации, сайт преподавателя, электронный журнал учета успеваемости студентов, общение посредством электронной почты и форумов, блоги преподавателя, группы, дистанционные технологии и др. Информационную основу взаимодействия могут составлять

следующие системы управления обучением (LMS), многие из которых осуществляют поддержку русского языка, имеют открытый исходный код: MOODLE, Claroline, Dokeos, ATutor, ILIAS, SAKAI, LAMS, OLAT, OpenACS, LRN и др.

К основным недостаткам систем относят несоответствие специфике организации образовательного процесса в высшей школе РФ, отсутствие российских сертификатов по защите информации.

Содержание информации — это данные, которые получаются с помощью образовательного мониторинга особенностей обучающихся образовательной организации в целом, факультета, группы, личности отдельного обучающегося; а также информация о преподавателях и специалистах. В соответствии с требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования информация о результатах освоения студентом образовательной программы отражается в электронном портфолио с использованием систем управления обучением.

Средствами хранения и представления информации могут быть информационные системы, которые дают возможность по-новому взглянуть на образовательную среду университета с помощью современной компьютерной технологии для хранения и анализа информации о субъектах образовательного процесса, а также о событиях, происходящих в организации. Эта технология объединяет традиционные операции работы с базами данных, такими как запрос и статистический анализ с преимуществами полноценной визуализации и анализа. Эти возможности отличают информационные системы от других и обеспечивают уникальные возможности для их применения в решении широкого спектра задач, связанных с анализом и прогнозом явлений и событий развития личности обучающихся и педагогов в образовательной среде, с осмыслением и выделением главных факторов и причин, а также их возможных последствий, с планированием стратегических управленческих решений и текущих последствий предпринимаемых действий.

Средством представления информации является когнитивная компьютерная графика. В качестве средств обработки информации используют пакеты прикладных программ: STATISTICA 6.0, Statgraphics, Statistica for Windows, SPSS, SYSTAT, NCSS и др.

Результатом процесса формирования ОИСОО являются изменения в уровне развития информационной компетентности студента. Информационный уровень включает знание методов сбора, обработки, передачи и хранения информации, умение планировать информационный поиск, владение способами систематизации информации, критическое отношение к полученной информации, способность делать выводы. Технологический уровень предполагает наличие ИКТ-знаний, навыков, умение применять их в учебной деятельности и выбирать программные и аппаратные средства для решения поставленных задач, участие в информационном взаимодействии. Рефлексивно-результативный уровень — включение в активное информационное взаимодействие и деятельность, совершенствование своих информационных умений на основе самоанализа, наличие результатов самообучения в виде продуктов, рост показателей успешности на всех уровнях и др. В процессе освоения образовательных программ высшего образования условно можно говорить о том, что выпускник бакалавриата или специалитета достигает информационного и технологического уровней развития информационной компетентности, магистратуры — рефлексивно-результативного уровня.

Таким образом, формирование образовательной информационной среды университета будет выступать средством развития информационной компетентности студента, если:

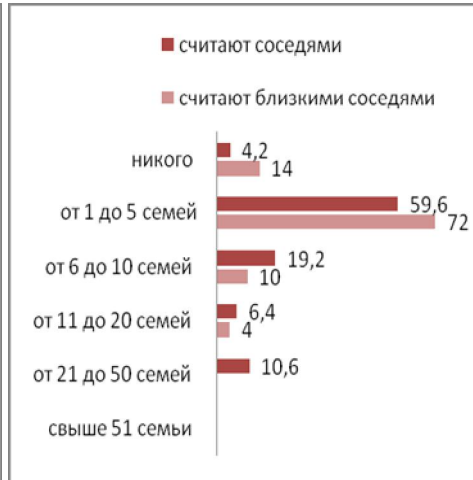
— информационная компетентность студента рассматривается как интегральная совокупность качеств личности, позволяющая студенту успешно решать практические задачи в контексте научных исследований;

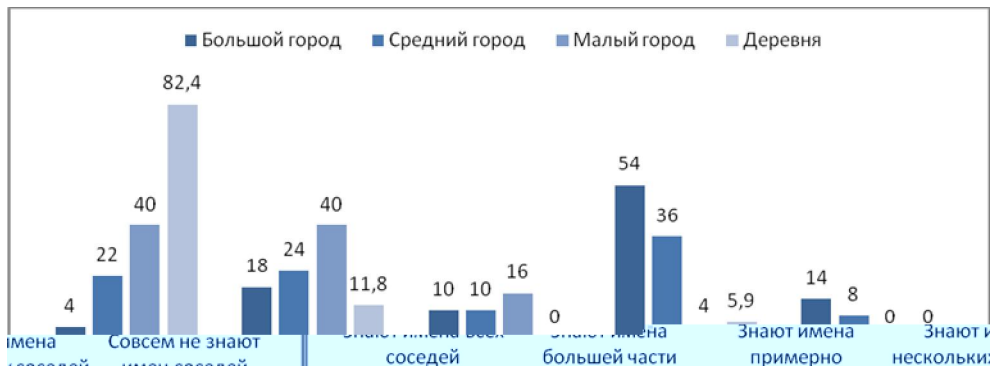
— студент в процессе обучения включается в активную деятельность в рамках освоения учебных дисциплин, прохождения практик, выполнения курсовых и дипломных проектов, целевые установки и содержание которых направлены на развитие их информационной компетентности;

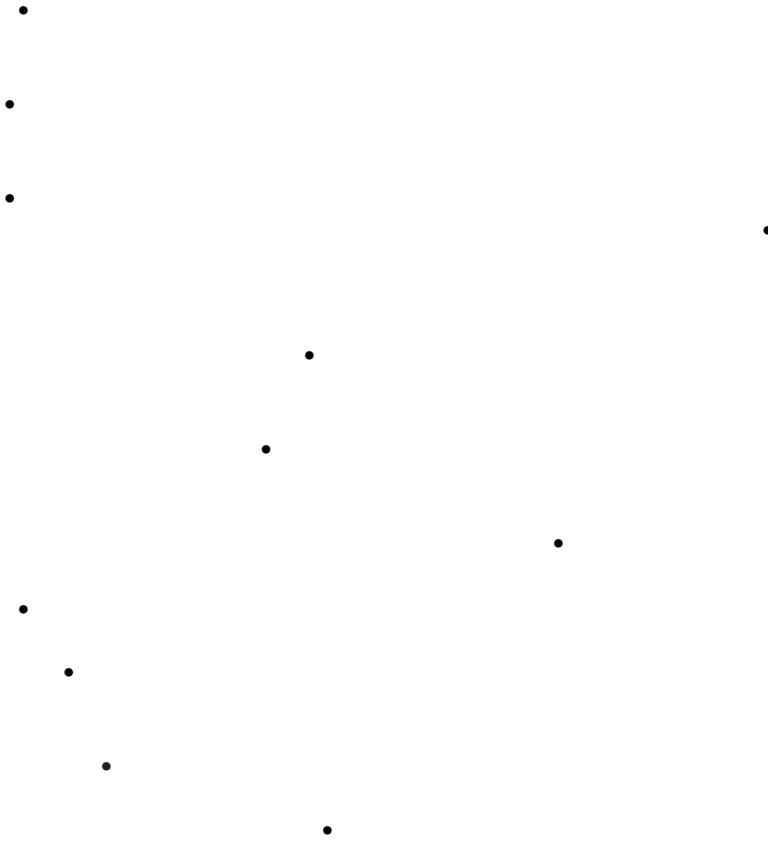
— в рамках профессиональной подготовки студентами изучаются модули, учебные дисциплины, предполагающие наличие специальной учебной среды.

Библиографический список

1. *Зайцева О. Б.* Формирование информационной компетентности будущих учителей средствами инновационных технологий : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Брянск. гос. пед. ун-т. Брянск, 2002. 19 с.
2. *Мельникова Е. В., Воронова Т. А.* Развитие образовательной информационной среды современной школы : от модели до реализации на практике. URL: <http://www.lap-publishing.com/catalog/details/store/gb/book> (дата обращения: 17.01.2016).
3. *Семенов А. Л.* Роль информационных технологий в общем среднем образовании. М. : МИПКРО, 2000. 12 с.
4. *Тришина С. В.* Информационная компетентность как педагогическая категория // Интернет-журнал «Эйдос». 2005. 10 сент. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm> (дата обращения: 15.01.2016).
5. *Хуторской А. В.* Современная дидактика. М. : Высш. шк., 2007. 639 с.
6. Visit the DeSeCo Project on the Web. URL: <http://www.oecd.org/edu/statistics/desecco> (дата обращения: 15.01.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ «ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Естественные, общественные науки»
2016. Вып. 1. Юриспруденция. Психология. Педагогика. Социология.
Социальная работа. Журналистика и реклама.
Международные отношения**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы *М. Б. Балябина, В. А. Киселева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 17.05.2016 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 7,35. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 100 экз. Заказ № 125. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru